

№ 542. — Защитительная записка М. Бакунина.

[Декабрь 1849-апрель 1850 года. Крепость Кенигштейн.]

МОЯ ЗАЩИТА.

Господину адвокату Францу Отто.

Глубокоуважаемый господин [защитник]!

Я долго не решался посылать Вам свою самозащиту, да и вообще не решался таковую посылать. Должен ли я объяснять Вам причину этого колебания? Если бы мне пришлось защищать себя перед свободным публичным судом, перед судом присяжных, то я не колебался бы ни одной минуты, но когда приходится иметь дело с закрытым судом, который уже по самому своему существу скорее предназначен к вынесению приговора по букве старого закона, чем по живому духу современности, какую пользу может принести мне защита, которая содержит и может содержать единственно и исключительно моральную мотивировку моей деятельности в Германии?

Тем не менее я попытаюсь представить свою защиту и перед этим судом, и сделаю это в данном письме, а форме обращенной к Вам политической исповеди. Как я уже объяснил Вам в прежнем письме, также написанном в мою защиту, я всецело предоставляю Вашей благожелательной заботливости все то, что касается моего участия в дрезденских событиях. Я не могу ничего прибавить к тому, что уже сказал в дрезденской уголовной комиссии [1]. В актах содержится чистая и полная истина. Я удовольствуюсь тем, что в конце настоящего писания коснусь только нескольких пунктов, которые по моему мнению в обвинительном акте представлены в .неправильном освещении. Моим главным стремлением будет выяснить Вам, а через Ваше посредство моим нынешним судьям, как я, иностранец, русский, пришел к тому, чтобы принять активное участие в дрезденском восстании.

От поляка всегда ожидают чего-нибудь подобного; даже те, кто не слишком благосклонно относится к подобным движениям, признают за поляками своего рода право выступать повсюду, где происходят волнения; более того, в этом праве все настолько убеждены, что им охотно приписывают и такие дела, к которым они не имеют никакого касательства. Их проклинают, их называют "европейской язвой", но все же очень мало кто не усматривает в их нынешних действиях руку Немезиды, историческую месть за совершенное над ними злодеяние.

Но русский!

Это участие русского во всеобщем стремлении к свободе представляется настолько странным, что многие не могут объяснить его себе иначе, как действием противоестественных причин. Так некоторые за последние два года считали меня шпионом русского правительства, напротив другие - наемным эмиссаром Ледрю-Роллена, завербованным для убийства русского царя. Ниже я покажу Вам, что оба эти слуха возникли из одного и того же источника.

В обвинительном акте я среди других пунктов читаю следующее:

“Согласно указанию листа 65 акта под литерою В, Но 37, тома 1-го, он (Бакунин) сделался эмиссаром Ледрю-Роллена для возбуждения стран славянского наречия и для установления в них республики, равно как для возбуждения войны между Пруссией и Россией, имел также от польского революционного Комитета в Париже специальные поручения относительно Великого Герцогства Познанского и относительно убиения русского императора, а в Берлине поддерживал теснейшую связь с крайними левыми”.

Сначала я не предполагал отвечать на этот донос, который, как мне сообщила сама комиссия, был прислан здешним властям из Берлина тамошнею полициею без подписи и без дальнейших доказательств. Сама комиссия, казалось, придавала ему так мало значения, что даже не задавала мне в сущности вопросов по этому пункту. Несмотря на это, я по другому случаю дал ей некоторые разъяснения, которые должны были еще более убедить ее в несостоятельности подобного обвинения, и тем не менее [я] нахожу его включенным слово в слово в обвинительный акт. Но для меня это обстоятельство оказывается кстати, так как с этим обвинением я хочу связать всю мою защиту. Оно, как Вы видите, содержит 3 различных пункта: во-первых, что я был эмиссаром Ледрю-Роллена; во-вторых, что какой-то Польский революционный комитет послал меня в Великое Герцогство Познанское для убиения русского императора, и наконец, что я поддерживал близкое знакомство с деятелями крайней левой в Берлине, - три пункта, из которых последний не давал бы никакого материала для обвинения, если бы берлинский доносчик не припутал его столь же ловким, сколь и хитрым манером к первым двум.

Итак начну с г-на Ледрю-Роллена; остальное выяснится само собою в течение настоящего писания. Конечно, если бы я имел честь ближе знать г-на Ледрю-Роллена, то я подобным знакомством гордился бы. Ибо он несомненно является одним из самых значительных и выдающихся людей нашего времени и очевидно будет занимать еще более видное место в судьбах своего великого отечества. Но случай захотел, чтобы за всю свою жизнь я встретился с ним один только раз и говорил с ним не долее пяти минут (время слишком короткое для того, чтобы сделаться его агентом).

И вообще я решительно протестую против предположения, что я был чьим бы то ни было агентом, будь то одного лица или комитета. После вспышки третьей французской или скорее первой европейской революции я отправился в Германию по собственному побуждению. Что меня к этому побудило. Вы легко поймете, если позволите мне, уважаемый господин [защитник], изложить Вам мои политические воззрения, равно как мое

отношение к своему отечеству.

Совершенно отрезанный от внешнего мира, я не знаю, какие ныне господствуют на свете настроения, и в какой мере можно позволить себе говорить правду. Но как бы велики ни были изменения, наступившие в Германии с 1848 года, дозволительно будет, даже сидя в немецкой крепости, высказать свою любовь к свободе и ненависть к деспотизму. Нигде эти два чувства не расцветают так сильно, как в России, где свобода маячит в каком-то недостижимом отдалении, и только самая гнетущая тирания, рабство в самом отвратительном виде составляют действительность.

В других странах можно оспаривать право на революцию, но в России это право стоит вне спора. Там, где царит систематическая, организованная безнравственность, всякое возмущение представляется нравственным деянием; быть свободным это-не только право, но и высшая обязанность каждого человека.

Что в моем отечестве господствует самый невыносимый и самый пагубный деспотизм, известно в Германии каждому. За последнее время столько писали о России, что ни один образованный человек, мало-мальски претендующий на добросовестность, не вправе в этом сомневаться. Известно, что в России нет прав, нет признания человеческого достоинства, нет прибежища для свободной мысли. Сама религия составляет в России просто орудие управления, кнут является символом самодержавной власти, а деньги единственным средством добиться правосудия или скорее удовлетворения, ибо о правосудии и не приходится говорить, оно давно поглощено болотом русского суда.

Гораздо менее известно то в высшей степени важное обстоятельство, что русская нация становится все более и более чуждою царскому государству и в настоящее время .не имеет с ним в сущности ничего общего. Это отчуждение началось, собственно говоря, еще при Петре I, великом притеснителе русского народа. Петр насильно навязал некультурному, патриархальному, деморализованному татарским игом и последовавшею гражданской войною, раздробленному и все же связанному каким-то мощным инстинктом народу европейскую цивилизацию в той форме, в какой она тогда существовала в Германии, и которая, как Вы очень хорошо знаете, стояла не слишком-то высоко. В то время в Германии не интересовались ни нравственностью, ни человеческими правами; о самих народах совершенно не заботились, их продавали и торговали ими как бездушными вещами. Божественное право царствовавших династий и округление географических границ, создание механически-мощных государств всеми возможными способами - таков приблизительно был весь политический кодекс в начале XVIII века, века политической безнравственности и бессовестности в Европе. Эта политика в России превратилась в постоянную систему, она и в настоящее время вдохновляет русских властителей.

Только Петр сделал Россию государством в собственном смысле слова, государством по тогдашним понятиям, направленным исключительно к насильственному расширению, машиною для порабощения иноземных наций, причем сам народ рассматривался не как цель, а как простое орудие для завоевания. На этой основе развивалось российское государство, и в течение одного столетия оно возвысилось до уровня величайшей европейской державы. Ныне его влияние простирается до отдаленнейших пунктов

европейского материка. Но чем более оно расширяется вовне, тем более оно становится чуждым собственному народу. Это объясняется самым естественным образом.

Механическое, направленное исключительно на завоевания государство может требовать от своего народа только трех вещей: денег, солдат и внешнего спокойствия, относясь равнодушно к средствам, с помощью которых последнее поддерживается. Такое государство третирует свой собственный народ как народ завоеванный, оно является государством угнетательным внутри, как и вовне. Все управление обращается в полицию. Так например Петр Великий прикрепил к земле прежде гораздо более свободного крестьянина не из каких-либо политических принципов и не из желания усилить этим могущество аристократии - никакой аристократии он не признавал, и если в России некогда существовала таковая бояр уже до Петра часто по одному мановению царя били батогами, - то он ее совершенно искоренил, превратив ее в добываемое заслугами или точнее служилое дворянство. Крестьян же он закрепил просто по полицейским соображениям для того, чтобы возложить на помещиков ответственность за покорное поведение крестьян, за регулярную уплату ими налогов и поставку рекрутов.

В том же духе продолжали править и его преемники. Чем больше расширялись российские пределы, тем больше требовалось солдат и денег, тем притеснительнее становилось правительство. О цивилизации народа, о поднятии его материального благосостояния, равно как о его духовном развитии, никогда серьезно не помышляли, и это по вполне понятным причинам: каждый успех народного сознания действовал бы чрезвычайно разрушительным образом на весь механизм подобного государства и потому должен был скорее подавляться, чем поощряться. В этом отношении знаменательны слова Екатерины II, великой императрицы и просветительницы России, прославленной всеми философами XVIII века. На письмо московского генерал-губернатора (не припоминаю его фамилии), который жаловался на недостаточное число народных школ, высокопоставленная дама отписала собственноручно: "Нам в нашем государстве нужны школы для того, чтобы общественное мнение не выключило нас из числа цивилизованных наций; но мы не должны считать бедою то, что эти школы у нас плохо прививаются, потому что если бы наш народ действительно научился когда-нибудь читать и писать, то вряд ли я и Вы остались бы на своих местах".

Русский народ до сих пор еще не научился хорошо читать и писать, и тем не менее он сделал большие успехи, - но понятно успехи в смысле совершенно противоположном правительству и враждебном ему. Соприкосновение с Европою, в которое нас привели завоевательные стремления наших владык, оказали благотворное влияние, несмотря на все предупредительные меры против "моральной чумы", несмотря на трусливый карантин, которым Россия ограждена в течение вот уже 25 лет.

В России появилось как среди дворянства, так и среди городского сословия большое число образованных людей молодого и более зрелого возраста, которые нетерпеливо и даже с чувством стыда переносят омерзительный гнет и с радостью будут приветствовать всякую перемену, всякий шаг к освобождению и примут в них активное участие. Что указанное чувство - не простая фантазия и не благочестивое пожелание с моей стороны, а реальная действительность, это показывает подавленное восстание дворянства в 1825 году. В Германии и вообще за границей очень мало знают о характере этого восстания, его нередко

и, разумеется, несправедливо смешивают с частыми дворцовыми или янычарскими переворотами, которые со смерти Петра Великого до убийства Павла почти всегда устраивались самими наследниками престола и стоили жизни многим русским царям. Восстание 1825 года имело совершенно иное значение. Оно вытекало из того же источника, которому Германия также обязана началом своего возрождения, а именно из столкновения народов между 1812 и 1816 годами. Оно ставило себе целью освобождение крестьян с наделением их свободною собственностью, свободное государственное устройство, освобождение завоеванной Польши и установление федеративной славянской республики. Оно не удалось, возможно потому, что было слишком зеленым и романтическим как юность. Оно было подавлено и подобно всем побежденным непризнанно и оклеветано. Но отголосок его в России остался, павшие богатыри посеяли семена, которые не погибли. Под строгим нажимом нынешнего правительства русская молодежь стала серьезнее и рассудительнее, а усиленная охрана способна была только усилить во всех сердцах любовь к свободе.

Еще гораздо более важною является великая перемена, которая за последние 40 лет наблюдается среди народа в собственном смысле. В Германии до сих пор принято говорить о фанатической приверженности русского народа к своему правительству. Нет ничего менее основательного, чем это утверждение. Религиозное почитание царя как видимого воплощения божеской воли относится к давно забытым временам. Нынешняя эпоха об этом и знать не знает, она одушевлена совершенно иными потребностями и чувствами. Напротив для большинства религиозных сект, которые подрывают русскую почву и вопреки всем религиозным преследованиям развивают разрушительную пропаганду, царь как раз представляется антихристом, а время его правления - тем апокалиптическим испытанием, за которым должно наступить обетованное тысячелетнее царство. Таким образом царь является лишь верховным главою полицейской церкви, но последняя не пользуется ни малейшим влиянием на народ. Попы подвергаются насмешкам и презрению. Живая церковь или точнее церкви (ибо таковых в России существует бесчисленное множество) все настроены к нему враждебно. Каких-нибудь два года тому назад я имел в Праге случай снова убедиться в том, что даже староверы, самые смиренные из всех и до известной степени терпимые еще правительством, также в сильнейшей мере настроены против него [2]. Правительство знает об этом очень хорошо и подвергает религиозных бунтовщиков самым безжалостным гонениям: сотни из них ежегодно подвергаются истязанию кнутом, много тысяч ссылаются в Сибирь или нездоровые местности Кавказа. Ничто не помогает. Фанатизм растет вместе с ростом гонений. Подвергнутые наказанию кнутом и ссылке почитаются народом как святые мученики, на место одного изъятого вырастают десять новых, и ничто не может подавить этой грозной пропаганды, так как правительство не в состоянии проникнуть в замкнутую внутреннюю жизнь этих бесчисленных народных масс.

Чтобы показать Вам, какую энергию одушевлены русские сектанты, я расскажу Вам только об одном случае, имевшем место в 1838 году, во время моего пребывания в Петербурге. Один молодой крестьянин пришел пешком из отдаленнейшей губернии в столицу только для того, чтобы дать пощечину тамошнему митрополиту. Он очень хорошо знал, какая ужасная кара ожидает его за это, и радостно, с воодушевлением мученика умер под кнутом, гордясь своим поступком [3].

Если бы я захотел рассказать Вам обо всех замечательных сторонах русского сектантства, то должен был бы написать целую книгу. Я бы даже не позволил себе приводить и эти подробности, если бы они не нужны были для дальнейшего обоснования моей записки. В России существуют и коммунистические секты, которые уже и сейчас осуществляют общность имущества и жен. Даже самый протестантизм не остался без влияния на русский народ. Существуют также анархистские секты, твердо убежденные, что всякая власть - от дьявола. В невежественной фантазии русского сектанта различные элементы перемешаны самым причудливым образом, нелепейшие представления - с гуманными принципами и глубочайшими предчувствиями лучшей не небесной, а земной будущности. Следует заметить, что как раз эта часть русского народа живет в достатке, в величайшей чистоте и в человеческой обстановке. Среди них уже имеется значительное число людей, умеющих хорошо читать и писать, и вообще они выделяются из массы более гуманным обхождением, известным чувством собственного достоинства и взаимным уважением. Это доказывает, что секты в России содержат живое зерно цивилизации, которое может получить большое значение в дальнейшем развитии этой страны. Но прежде всего я усматриваю в этом доказательство того, что в жизни русского народа не наступило мертвого затишья, и что хотя он совершенно задавлен своим правительством и угнетается всеми возможными способами, тем не менее он стремится вперед собственными силами и сумеет собственными путями пробить себе дорогу к свету и свободе, несмотря на все виды полиции, на Сибирь и на кнут.

Политическое значение сект в России стало ясным уже во второй половине XVIII века. Пугачевское восстание еще не было во всем его значении оценено Европой. Это была первая крестьянская революция в России, но не последняя. В то время как Екатерина II была занята разделом Польши, Пугачев, простой донской казак, собрал на границе Сибири огромные крестьянские массы, провозгласил себя царем под именем Петра III, увлекая все за собою, громя все в своем молниеносном продвижении, довел свои растущие полчища до стен Казани, которую взял приступом и предал огню. Со своими недисциплинированными толпами он разбил дисциплинированные армии; вся империя дрожала при его имени, слух о котором распространялся в народе с быстротою электрической искры. В Москве возбужденные массы уже ждали его с нетерпением, и если бы он дошел туда, кто знает, не повернулись ли бы тогда совершенно иначе судьбы Польши и России? Вначале его полчища состояли по большей части из сектантов. Лозунгом его было освобождение крестьян, а имя его и поныне живет в памяти русского народа.

1812 год также не остался без влияния. Россия освободилась от наполеоновского ига не столько благодаря сопротивлению своих армий (которые, собственно говоря, почти повсюду были им побиты), сколько благодаря восстанию своего народа. Даже суровый климат не мог бы победить Наполеона, если бы он нашел в России благоприятно настроенный народ, а вместе с ним продовольствие и зимние квартиры. Но народ повсюду поднялся массою, опустошая и сжигая собственные деревни: он бежал в леса, оставляя Наполеону пустые поля, и повел против него жестокую партизанскую войну. Таким образом он, по крайней мере на большую половину, способствовал освобождению страны. Это сознание прочно держится в народе. В 1813 и 1814 годах во всех частях империи произошли крупные народные восстания: возмущившийся мужик заявлял, что он участвовал в изгнании неприятеля и таким путем заслужил себе волю, и не хотел больше возвращаться к подневольному труду.

Произошло много кровавых выступлений, о которых за границей конечно очень мало известно, как вообще в Европе редко узнают о том, что происходит в этой империи. Можно доказать, что с 1812 года крестьянские бунты в России сделались постоянным явлением, они усиливаются и расширяются угрожающим образом, с каждым годом приобретая все больше энергии и глубины. Народ пришел к сознанию, он выработал общую, ясно выраженную волю, и прежде всего он требует освобождения от крепостного ига и свободного владения собственностью. Его требования стали настолько уже громкими и угрожающими, что даже нынешнее правительство, напугано ими, начало всерьез задумываться над средствами, которые могли бы хотя частично удовлетворить народ. Опасность слишком очевидна и слишком велика, так что она не могла не привлечь к себе всего внимания правительства. Но правительство совершенно бессильно: его реформаторские попытки только ухудшают и без того невыносимое положение крестьянства.

Удивительно, в какой степени это деспотическое правительство, столь могущественное вовне, оказывается немощным, как только оно предпринимает какие-либо улучшения внутри страны. И не нужно думать, будто его добрая воля наталкивается на всевозможные препятствия, на какое-либо политическое сопротивление. К моему великому удивлению я довольно часто слышал от очень образованных людей в Германии разговоры о какой-то русской боярской аристократии, о каком-то сенате, которые якобы имеют право и силу держать в границах царскую волю. Так мало знают еще о России в Европе! Мне даже рассказывали, что существует основной закон, согласно которому цари, только процарствовав 25 лет, приобретают абсолютную власть и потому обычно умерщвляются высшим дворянством незадолго до истечения этого срока! В России не существует ни аристократии, ни другого привилегированного класса, который как таковой имел бы законное право, силу и смелость каким-нибудь образом воспротивиться царской воле. Царь является самодержцем в самом широком смысле этого слова, а так называемые русские аристократы суть его всепокорнейшие слуги, которые живут его улыбкою, замирают при движении его бровей, и если пользуются влиянием, то это совершенно естественное влияние слуги на своего господина, влияние, которое может быть определено тремя словами: обмануть, обокрасть, ввести в заблуждение. Если таким образом попытки русского правительства облегчить положение народа кончаются сплошь неудачей, то а этом повинно не внешнее противодействие. Скорее они разбиваются о внутреннюю природу правительства, природу, столь тесно связанную со всеми главными пороками империи, что невозможно коснуться последних, не рискуя при этом задеть само правительство и даже окончательно его подорвать. В России каждая реформа есть только лишний шаг к революции. Полицейское государство в том виде, в каком его создал Петр [I] и в каком оно существует до сих пор, не способно ничего улучшить, ничего освободить, ничего реформировать. Оно может только угнетать и мешать - мешать покуда возможно.

Так например устройство государственных крестьян должно было служить образцом для всех частных землевладельцев. Что же произошло? Государственным крестьянам живется гораздо хуже, они подвергаются гораздо большим притеснениям и ограблению, чем даже помещичьи крестьяне. Они управляются русскими чиновниками-и этим сказано все. Прежде чем подумать о проведении малейшей реформы в России, нужно было бы очистить авгиевы конюшни русского чиновничества. Но как? ими руками? Ведь нынешнее правительство не

имеет никаких других органов, да и не может иметь никаких других кроме этих чиновников, от которых нельзя же ожидать самоубийства. Года четыре тому назад царь хотел сам предпринять эту геркулесову работу. Была учреждена особая комиссия под его собственным высочайшим наблюдением; все воры и преступники подлежали увольнению, обещанию, истреблению с лица земли. Какой же получился результат?

Прогнали около 200 мелких чинушек, как раз наиболее невиновных, которые еще [не] научились как следует замечать следы. Только 200! Капля в море! Комиссия же была закрыта, ибо вскоре убедились, что если действовать последовательно, то нужно было бы прогнать всю официальную Россию вместе с женами и детьми из страны. Эта язва России, этот рак, разъедающий правительство до мозга костей, словом это чиновничество не является случайным злом. Это - естественное и неизбежное порождение русской правительственной системы. Правительство не может его тронуть, не повредив самому себе, оно должно им пользоваться, оно должно позволять ему медленно вести себя к гибели, ибо это правительство не может иметь другого чиновничества. Деспотизм может обслуживаться только рабами, а от рабов нельзя требовать ни человечности, ни привязанности, ни честности.

И выходит, что даже самые лучшие намерения этого правительства при проведении их в жизнь влекут за собою еще более невыносимый гнет. Страдания, недовольство и нетерпение народа растут с каждым новым паллиативным средством, которое пытаются применить свыше для улучшения его положения. Но русское правительство может применять исключительно паллиативные средства, ибо употребление всяких других для него невозможно по самой природе и конечной цели его организации, созданной не для освобождения, а для подавления народов. Чтобы доставить народу существенное облегчение или действительную свободу, оно должно было бы подорвать основные устои своего собственного могущества, [так как] это могущество целиком и полностью основано на порабощении народа.

Как я уже выше заметил, Петр подчинил русский народ власти дворянства не для того, чтобы этим пожаловать последнее, а скорее для того, чтобы превратить всех помещиков в бесплатных царских полициантов, служба которых при этой системе незаменима и без посреднических действий которых вся государственная машина должна была бы остановиться. Здесь дело обстоит не так, как в Австрии, где чиновники и помещики составляют два различные класса-разделение, которое в 1846 году кровавой памяти позволило этому аристократическо-монархическому государству проповедывать в Галиции коммунизм и извлечь временную пользу из жестокого мужицкого бунта. В России каждый помещик является, так сказать, чиновником, а все чиновники сами являются помещиками или по крайней мере их родственниками.

Русский народ ненавидит чиновников в собственном смысле еще сильнее, чем помещиков, так как последние особенно за последнее время, отчасти из страха, а отчасти под благодетельным влиянием растущего просвещения (что особенно заметно на младшем поколении), обращаются с своими крестьянами уже гораздо человечнее и проявляют по отношению к ним гораздо больше справедливости, чем прежде. Поэтому народная ненависть обратится прежде всего против царских чиновников, а засим частью и против

дворян-помещиков, т. е. она парализует все органы правительства и уничтожит само правительство.

Австрийское государство в 1846 году могло по крайней мере рассчитывать на то, что возбужденная им гроза, ограничившись одною Галицией, даст ему возможность во все продолжение волнений извлекать необходимые правительственные средства из своих остальных провинций. Совершенно иначе обстоит дело в России. Здесь нет этих резких национальных разделений, сельское население почти во всех провинциях проникнуто одинаковым духом, вся империя охвачена одним и тем же движением. Откуда же в таком случае взять нужные деньги, откуда взять солдат? Ясно, что не путем добровольных приношений, не путем волонтерства из среды взбудораженного народа, который уже сейчас часто сам калечит себя, лишь бы избежать ужасных мук российской солдатчины. Наконец нужно заметить, что русский крестьянин - совсем не тот человек, что галицийский. Он обнаруживает гораздо больше энергии, самостоятельности, даже гораздо больше свободного сознания, чем последний, несмотря на то что он подвержен гораздо более суровому гнету, чем тот, какой когда-либо испытывал галицийский крестьянин. В нем совершенно незаметно признаков той тупой ограниченности, которую можно объяснить только влиянием католицизма и которая превратила галицийского крестьянина в слепое орудие попов и других императорских креатур. Русский крестьянин не подвержен никакому казенному влиянию и, как я уже выше сказал, носит в себе целый самобытный мир, безграничный мир пожеланий, чаяний и мести. Крестьянская революция в России нанесет правительству смертельный удар, разрушит существующее государство, а такая революция неизбежна: ничто не в силах ее отворотить, рано или поздно она вспыхнет, и чем позднее, тем она будет ужаснее и разрушительнее.

Таково внутреннее положение моего отечества [4]. Я попытался в кратких чертах обрисовать его здесь, ибо оно так тесно связано с внешней политикой русского государства, что нельзя понять последнюю, не зная первого. Я охарактеризовал его для того, чтобы доказать, что русский, любящий свое отечество, может ненавидеть русское государство, даже должен его ненавидеть. Ограничившись только тем, что меньше всего известно за границую, я старался особенно подчеркнуть современное состояние и настроение собственно народа, так как полное незнакомство с последним дает повод к величайшим ошибкам в суждениях о России.

Это положение ужасно. Весь гнет, весь позор и вся жестокая несправедливость, какие деспотизм может только обрушить на оскверненную голову подвластной ему нации, все бесчестие рабства, самые вопиющие оскорбления всякой человечности и всякого человеческого достоинства сделались в моей несчастной отчизне повседневным, обыденным явлением. Более того, насилия этого правительства, развращенного сверху донизу, стали настолько чудовищными, настолько беспримерными, что о них в Европе нельзя рассказывать, ибо там просто этому не поверят. И из этого лабиринта позора и бедствий не осталось уже мирного выхода. Положение настолько отчаянное, что если бы Петр Великий, основоположник его, мог вернуться в мир, он с ужасом отступил бы и признал бы себя бессильным его исправить. Отдельная личность, как бы велика она ни была, может пожалуй создать механическое могущество, может поработить народы, но не в силах создать свободный народ. Свобода и жизнь исходят только от народа, а в русском

народе имеется достаточно элементов для великого человеческого будущего.

Нынешний владыка России является верным преемником политического направления, созданного Петром, и он проводит эту политику еще более последовательно, чем тот. Его правление есть не что иное как достигшая зрелости и самосознания система гениального творца российского государства, и никогда еще это государство не было столь угрожающим вовне и столь притеснительным внутри, как именно в наше время.

Россия есть направленное на завоевания государство. Это не приходится доказывать, об этом говорит история, об этом уже свидетельствуют Польша, Финляндия и часть Турции. Но каким образом она завоевала эти страны? Не так, как варвары, которые разрушили римскую цивилизацию, для того чтобы принести миру новую жизненную силу и даже новые элементы свободы: то было движение народов, движение юных, живых, богатых будущим, хотя и варварских масс. И не так, как магометане, которые обрушились на мир во имя пламенного религиозного увлечения и с присущей им фанатичностью. И не так, как Наполеон во главе своих воодушевленных полчищ, которые повсюду, где одерживали победу, бессознательно служа великой революции, разрушали последние устои феодализма, вводили свой гражданский кодекс, а вместе с ним буржуазное равенство. Наконец, не так, как в настоящее время северные американцы, которые неудержимо распространяются по американскому континенту в интересах цивилизации, демократии и труда. К завоеваниям России русский народ как таковой совершенно не причастен: его гонят в чужие страны тем же самым кнутом, который ныне еще употребляется дома для принуждения его к подневольной работе. Здесь нет и речи о каком-либо религиозном фанатизме, а еще менее о цивилизации, о равенстве, об интересах труда. Россия делает завоевания без страсти, без воодушевления, - она завоевывает исключительно в интересах деспотизма. Россия и есть жаждущая завоеваний нация, она есть жадное до завоеваний государство, государство, которое, будучи чуждо и враждебно самому народу, использует его для порабощения других народов - отвлеченный принцип, который тяготеет над русской нацией как над своим подневольным орудием и который уже обратил 60 миллионов человек в своих рабов, дабы с их помощью погасить светоч свободы, жизни и даже малейшую искру человеческого сознания в остальном мире.

Было ли хоть одно русское завоевание результатом порыва русского народа? Нигде и никогда! Все завоевания совершались исключительно государством с помощью хорошо дисциплинированных армий и еще больше с помощью дипломатии, которая уже приобрела слишком большую известность особыми приемами и выдержкою. Воевала ли когда-либо Россия во имя религии?

Также нет. Русский народ является скорее наиболее терпимым народом на свете, он совершенно мирно уживается с татарами, евреями, католиками и протестантами, даже с язычниками, ибо в моем далеком отечестве представлены всевозможные религии, и никогда оно не помышляло об обращении этих иноверцев. Русские секты стали фанатичными лишь в результате гонений, но их фанатизм также обращается исключительно против казенного культа, т. е. против правительства. Напротив между собою сектанты очень хорошо уживаются друг с другом, несмотря на то, что их догмы отстают одна от другой так же далеко, как небо от земли; никогда еще не слышно было о конфликтах между ними.

Нетерпимость проявляет в России только правительство, да и последнее лишь из политических соображений. Еще недавно оно похвалялось тем, что по отношению к религиозным сектам является наиболее терпимым правительством и по сути дела оно еще и сейчас проявляет терпимость или точнее полнейшее равнодушие ко всем христианским и языческим догмам, доколе они не возбуждают особенного брожения и не вторгаются в строго заповедную область политики. Все религиозные как христианские, так и языческие нелепости и ломания встречают с его стороны одинаковое благоволение, если только они могут послужить как добрая доза опиума для морочения и усыпления народа, ибо религия для него является просто орудием управления. Так например оно никогда не давало себе труда обратить в христианство магометан или многочисленных проживающих в России язычников, что однако, казалось бы, составляет священнейшую обязанность правительства, столь пекущегося о православии. Но русскому правительству напротив очень хочется иметь среди своих подданных и магометан, так как через них оно может воздействовать на мусульман Турецкой империи. Совершенно иначе обращается оно с своими христианскими сектами. Последних оно преследует со всем тщанием и усердием, так как они обнаруживают опасные политические стремления. Совершенно иначе обращается оно также с католиками и униатами в Польше, Литве и Белоруссии. Униатство не в меньшей степени, чем родственный ему католицизм, представляется для православного российского государства, не признающего власти папы, стеснительными и непокорными религиями, служащими орудием в руках поляков. Вот почему последние годы единоспасительное греко-православное вероисповедание, как известно, проповедывалось там с помощью картечи и массового избиения населения (В 1832 а 1833 годах я сам в качестве русского офицера был свидетелем этих кровавых обращений в губерниях Минской, Виленской и Гродненской-слава богу только свидетелем. Они продолжают до сих пор под руководством ренегата Семашко, бывшего некогда епископом униатской церкви, а ныне состоящего русским архиепископом. Униатство, как известно, возникло в результате неудавшейся попытки Флорентинского собора объединить греческую церковь с римской. Оно сохранило обряды греческого культа, соединив их с признанием папы, а позже оно благодаря стараниям польских иезуитов приблизилось к римскому культу. Униатство распространено по всей Западной России до Киевской губернии, включая сюда Литву, и с самого своего возникновения подверглось гонениям: сначала со стороны католической Польши, а в настоящее время со стороны русского правительства. Официально оно в России больше не существует с тех пор, как созванный (кажется в 1838 г.) в Полоцке собор, состоявший из немногих отступников, оплаченных или подвергшихся принуждению униатских священников (ибо большая часть их находилась в Сибири или сидела по тюрьмам), торжественно его отменял. Но народ остался верен своей старой религии и не хочет до сих пор, несмотря на пушки и штыки, признавать русских или обруселых попов и вновь устроенных церквей, так что целые местности остаются без крещения, венчания и церковного погребения. Замечательно, что эти униаты суть те же самые диссиденты, за которых рьяно заступалась Екатерина II, к великой радости и восхищению философского мира (*Вольтер писал ей по этому поводу поздравительные письма*), и притеснение которых тогдашним послушавшимся плохих советов польским дворянством она избрала предлогом для вмешательства в дела Польской республики, а позже для ее раздела (*Примечание автора*)).

Таким же точно образом недавно в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии велась открытая пропаганда, и бедный темный протестантский люд склонялся лживыми посулами к переходу в греческую церковь, так как существуют опасения, что протестантизм может послужить лишним связующим звеном между Германией или Швецией и этими провинциями *(Так всем обращенным обещалось свободное переселение со своим имуществом в южную Россию. Все это движение открыто исходило от тамошнего епископа Иринарха [5], следовательно от самих властей. Целые общины захотели перейти в новую веру и переселиться, так что правительство вскоре увидело себя вынужденным пустить в ход пушки против этих бедных им же самим взбудораженных и соблазненных масс. Да и без того известно, как усиленно правительство старается русифицировать эти провинции. Примечание автора).*

Не требуется, кажется, больше доказательств для того, чтобы убедиться в том, что русский народ сам по себе никогда не предпринимал и не предпримет никаких завоеваний ни из религиозного фанатизма, ни из других побуждений. Но в тем большей мере это следует сказать о российском государстве, не имеющем никакой другой цели кроме завоеваний и порабощения. Что оно при этом и не помышляет о цивилизации покоренных им народов, ясно уже из того, что большинство из них гораздо более цивилизовано, чем Россия. Что оно напротив стремится задуть все зачатки жизни и цивилизации насильственной рукою, об этом в достаточной мере свидетельствуют события в Польше, Литве, Остзейских провинциях, равно как в Финляндии. Что случилось с университетами Варшавским, Виленским, Дерптским, что случилось с этими некогда столь цветущими странами? Они превращены в безмолвное кладбище, заваленное убитыми жертвами. Русское уголовное уложение и свод гражданских законов, русские чиновники, нищета, рабство, мрак и запустение - вот то, чем грозит это государство еще непокоренным народам.

Для чего оно делает завоевания и будет ли оно делать их впредь? Оно не может поступать иначе, оно должно действовать именно так. Оно должно делать это уже ради одного своего самосохранения. Оно лишено всякой внутренней жизни, всякого движения, всякого прогресса, всякой цели внутри России. Вся его природа направлена на внешние проявления, и только благодаря этому постоянному распространению вовне, благодаря этому непрерывному стремлению ко все большему расширению своих границ оно сохраняет свою напряженную силу, свое противоестественное, смертоубийственное существование. В нравственном мире, как и в физическом, каждое существо живет лишь до тех пор, тьма оно выполняет свое внутреннее назначение; неподвижность равносильна смерти, а так как российское государство может развиваться только вовне, то оно должно умереть, как только прекратит свои завоевания. Я сказал, что русское государство не есть русская нация, а лишь абстрактный принцип, нависший над этою нациею. Это-принцип абсолютистской власти, служащей для себя самоцелью, принцип помрачения и подавления народов во имя божественного права. Это - отовсюду изгнанный бес деспотизма, который бежал в Россию и окопался в этой стране как в своем последнем оплоте, дабы отсюда по мере возможности снова распространиться по всей Европе еще мрачнее и ужаснее, чем прежде. Я уже показал, что русский народ вовсе не так покорен и терпелив, как обычно думают; под снегом, покрывающим эту беспредельную империю, как будто обреченную на смерть, пламенеет вулкан, извержение которого можно задержать или вернее отсрочить только ограждением его от живого духа Европы. Эта опасность еще возросла с тех пор, как Польша была

включена в состав России. Польша это страж русского народа, живой посредник между мим и Европою. Польша, по прекрасному выражению Ж. - Ж. Руссо, проглочена Россией, но ею не переварена и никогда не будет ею переварена. Польша - это пятно на совести русской империи и самая чувствительная ее часть, это - ее больное место, которое сна не может от себя оторвать, не разрушая этим всего своего организма, но которое в случае сохранения заразит и разъест все остальные ее части. Деспотическая Россия рядом с свободною Польшею невозможна, но столь же невозможна поработанная Польша рядом с действительно свободною, самостоятельною и объединенною Германиею. Именно по этой причине российское государство является естественным врагом германской силы, германской свободы и чести, именно по этой причине оно не хочет немецкого единства. Вот почему она должна как можно дальше распространить свои завоевания и свое растлевающее влияние в Германии, оно должно стремиться, к этому в интересах самосохранения. Да, оно дошло уже до такого положения, что его точка равновесия, его главная опора находится скорее в Германии, а именно в Пруссии и Австрии, чем в самой России, и для сохранения этой опоры оно должно подчинить всю Германию если не прямо своей власти, то по крайней мере непосредственному влиянию.

Разве Россия и сейчас не хозяйничает в Германии? Я не хочу говорить от себя, пусть говорит за меня немецкая газета, газета, хорошо известная своими консервативными принципами и могущая по своему политическому положению быть названною германским "Journal des Debats", если бы в такой раздробленной стране, как Германия, вообще мыслим был "Journal des Debats". Итак в No 86 "Всеобщей Аугсбургской Газеты" [6] за 1848 г., на странице 1369, я читаю следующее:

“Только через труп Польши Россия могла бы добраться до сердца Германии, только подавление всякой свободы в Германии могло бы обеспечить господство кнута и в Польше”. “Излишне возвращаться здесь к старой злосчастной истории насилий над Польшей, она памятна всему миру, упомянем лишь об одном эпизоде из целого ряда событий, обрушившихся за последние 80 лет на эту несчастную страну. В 1790 году Пруссия сообразила опасность, угрожающую ей в случае разгрома Польши, и заключила с Польшею, Голландией и Англиею союз для сохранения республики в ее тогдашнем состоянии. Через два года после того она снова позволила России оплести себя и уплатить себе за свое политическое предательство значительнейшую часть добычи. Доля Пруссии в третьем разделе [Польши] была максимальною, не шедшею ни в какое сравнение с долею Австрии и России, ибо тогда дело шло об удержании Пруссии в магическом кругу русской политики. Последствия этого известны. Пруссия снова потеряла большую часть своей добычи, а Россия добилась своей цели, не допустив сохранения самостоятельной Польши. Известно, к каким печальным результатам привела русская запретительная система, проведению которой Пруссия сама способствовала картельным договором, и мы готовы без всяких околичностей признать русскую политику прусского двора настоящею и почти единственною причиною революции. Народ глубоко чувствовал, что наследственный враг сидит у него на шее и что основная

часть монархии почти беззащитна от его нападения; сверх того русская запретительная система была источником обнищания для большей части Силезии, для западной и восточной Пруссии. До тех пор, пока русская запретительная система изолирует Польшу, не приходится и думать о серьезном процветании этих провинций, и нетрудно себе представить, какое настроение создалось и продолжало поддерживаться подобным положением вещей. Люди стремились к свободе не из теоретического предпочтения (!?), а с целью освободиться при помощи общественного мнения от предательской дружбы России, которая по мнению народа имела своих оплаченных сторонников в самом королевском дворце".

В другой статье в № 80 того же года я снова встречаю следующие строки:

“В одной из последних статей мы, основываясь на современных отношениях, показали, что присоединение Германии к русским должно при всех обстоятельствах послужить нам во вред. При этом мы в известной мере оставались на теоретической почве, но мы можем также подтвердить сказанное на чисто практической почве опыта. В отношении русской помощи мы имеем за собою поучительное прошлое".

"Россия довольно скоро стала враждебно относиться к первой французской революции. Екатерина II в 1793 году выслала всех французов, не согласившихся отречься от принципов революционной Франции, из своей страны и признала графа Прованского [7] регентом Франции. Сын Екатерины Павел в начале своего царствования запретил носить в России французскую одежду. Он не позволял российской Академии рассуждать о переворотах небесного свода. В июле 1799 года он объявил "беззаконное" стоявшее у власти во Франции правительство "отверженным богом" и запретил датским судам и подданным доступ в Россию "за то, что в Копенгагене и во всей Дании существуют клубы и общества, разделяющие принципы, выдвинутые французскою революциею, а датское правительство это допустило". Вторая коалиция против республики [8] была если не прямо делом царя, то во всяком случае самым горячим его желанием. Но как только во Франции, отчасти в результате этой коалиции, начала возвышаться военная монархия, между нашим восточным и западным соседями начали уже завязываться отношения более мирного рода. Павел вступил в дружескую переписку с Бонапартом, в которой обсуждался вопрос о будущем устройстве Германии. Убийство русского императора ничего в этом отношении не изменило. Его преемник Александр считал более выгодным идти с французами, чем против них. В секретных статьях договора от 11 октября 1801 г. с.-петербургский и французский кабинеты договорились об общих действиях относительно Германии. 18 августа 1802 г. послы Франции и России передали имперской депутации план, составленный обеими державами в целях нового территориального деления Германии и при этом установили двухмесячный срок для окончания переговоров по сему предмету. План был принят, и первым последствием принципиальной" борьбы, которую Россия с Германиею начали против Франции, было то, что духовные курфюршества, Майнцское, Трирское и Кельнское, были уничтожены, все сохранившиеся еще епископства и аббатства, все самостоятельные мелкие графства и баронии, все свободные имперские города кроме шести утратили свою

независимость, великий герцог Тосканский получил Зальцбург, а герцог Моденский - Бресгау. Первым последствием войны между Россией и Германиею будет уничтожение мелких государств, но не в интересах немецкой свободы, а в интересах чужеземных правительств и абсолютистской власти.

Громкие предостережения 1802 года не были услышаны германскими кабинетами. Когда Австрия снова выступала против Наполеона, остальная Германия с нею не поднялась. Наши государи ставили постыдный нейтралитет или еще более позорное увеличение своих владений выше общих интересов нации. В день битвы трех императоров (2 декабря 1805 года) рядом с австрийскими войсками стояла не прусские, а русские. Побитый лотарингец [9] не нашел в побитом вместе с ним Романове никакой по крайней мере сильной поддержки. Русские офицеры говорили о Германии как о самой презренной части земного шара (*В этом отношении до сих пор ничего еще не изменилось. Ненависти, а особенно презрение к Германии старательно поддерживаются и возбуждаются в русском народе свыше. Когда русская гвардия возвращалась с знаменитых маневров в Калите [10] (которые были устроены с определенным намерением сблизить русскую армию с прусской) в Петербург, их встретил тогдашний командир гвардейского корпуса, ныне покойный генерал-лейтенант фон-Бистром [11], и после первых приветствий спросил их: "Ну, ребята, вы повидали немецких солдат; не правда ли, дрянь?" "Дрянь, ваше высокопревосходительство". "Ну, я так и знал", ответил генерал, который сам был немцем и не умел правильно говорить по-русски. Горе тому, кто позволил бы себе в России сказать, что император Николай - Голштейн-Готторп, а не Романов, что он немецкого, а не русского происхождения. Сибирь была бы для него еще легким наказанием. (Примечание М. Бакунина)).*

У поистине не слишком патриотически настроенного Гентца [12] переворачивались его "немецкие" внутренности, когда он видел, как русские топчут ногами австрийцев, и слышал, как великий князь Константин третирует австрияков. И концом русско-немецкого союза был Пресбургский мир (21 декабря 1805 года). По этому миру австрийцы потеряли тысячу квадратных миль земли, три миллиона душ и пятнадцать миллионов гульденов дохода. Ослабление одной немецкой великой державы без непосредственной выгоды для России было вторым следствием русско-германской борьбы против Франции..

"Мы должны были пережить еще третье.

"У гроба Фридриха Великого прусский король и русский царь поклялись друг другу в вечной дружбе. Личные узы обоих государей, одинаковый страх перед Наполеоном, казалось, делал их союз против императора французов нерасторжимым. После сражения при Фридланде Александр все еще располагал слишком достаточными средствами для ведения продолжительной войны с французами в пользу Пруссии, но не счел нужным использовать эти средства. По Тильзитскому миру (7 и 9 июля 1807 года) Пруссия потеряла половину своих владений; зато Россия получила до тех пор принадлежавший Пруссии Белостокский округ (размером в 206 кв. миль) (*И требовала еще уступки ей Данцига, на что Наполеон однако не согласился. (Примечание М. Бакунина).*), а секретным пунктом договора устанавливалось, что если Порты, на владения которой Россия давно уже бросала алчные взоры, откажется принять посредничество Наполеона в ее войне с царем, то Франция и

Россия совместно должны объявить ей войну и отнять у нее все ее владения кроме Румелии и Константинополя. Третьим следствием немецко-русского союза было то, что вторая немецкая великая держава была ослаблена к непосредственной выгоде России, что Россия получила виды на Дунайские княжества, эту столь важную для нас область (*А теперь именно Австрия отдает в руки России Дунайские княжества и Турцию вообще. (Примечание М. Бакунина).*), и что Россия и Франция отныне вступали в союз.

Если дружба России чуть не довела нас до гибели, то вражда ее угрожала окончательно свергнуть нас в пропасть. Несмотря на то, что по постановлению Тильзитского мира русские войска должны были быть выведены из Молдо-Валахии, они с согласия Франции остались в этих областях до Эрфуртского конгресса. На этом конгрессе Наполеон (12 октября 1808 г.) согласился на присоединение Молдавии и Валахии к Российской империи; вскоре после того это присоединение состоялось, чем у нашего германского юго-востока был бы перехвачен кровеносный путь, а 14 октября 1809 г. состоялось новое расширение царской империи непосредственно за счет Германии. По Венскому миру Австрия уступила союзной с Францией России часть восточной Галиции с населением в 400 тысяч человек. Если бы союз Франции с Россией [продлился] еще несколько лет, Германия стала бы антикварным понятием, исторической реминисценцией. От такого несчастья нас спасла страсть Наполеона к завоеваниям, но прежде чем мы были спасены, мы должны были получить новые доказательства русских замыслов относительно Германии.

"Чтобы иметь достаточно сил для борьбы с Францией, Россия 24 марта 1812 г. заключила наступательный и оборонительный союз с Швецией, в третьей статье которого устанавливалось: Швеция получает Норвегию, которую Дания должна ей уступить; если Дания сделает это добровольно, то она получает за это соответствующую компенсацию в Германии. В четвертой статье Александр заставлял Швецию признать расширение русской границы до Вислы. В январе 1813 г. русские стояли в нашем отечестве; их прокламации дышали дружбою к Германии и ненавистью к Франции; в них можно было прочесть, что "русский народ протягивает немцам руку а целях их освобождения", "продвижение русских войск диктуется целью, стоящею выше всяких корыстных расчетов". То обстоятельство, что вскоре после того в завоеванной Саксонии неограниченно распоряжался русский генерал-губернатор, который назначал офицеров ниже полковника, в то время как русский царь по его представлениям выбирал штаб-офицеров, в суতোлке событий не так бросалось в глаза. Зато заветные стремления России можно было усмотреть в более поздних переговорах между европейскими державами.

"Главным условием этих переговоров, приведших 30 мая к первому Парижскому миру, Александр поставил сохранение Эльзаса и Лотарингии за Францией (*Это он сделал правильно. В интересах цивилизации и свободы, равно как европейского счастья, великая Франция не должна подвергаться обкарнению. Хотя Эльзас и Лотарингия происходят из германского корня, но по настроению и симпатиям они стали насквозь французскими, что они неоднократно доказали во время революционных войн и позднее, когда союзники вторглись во Францию (Примечание М. Бакунина).*)

На Венском конгрессе Россия потребовала для себя всей Польши и утверждала, что "требование это составляет моральную обязанность для царской империи; оно необходимо

для улучшения управления польскими подданными его императорского величества и для обитателей Герцогства Варшавского, которые в настоящее время в силу военной оккупации герцогства также являются его подданными" - указание, что при благоприятных обстоятельствах Россия может признать своею моральною обязанностью теперь, когда пробудилась идея панславизма. С большим трудом выступавшие против этого державы добились того, что Александр удовольствовался нынешним Царством Польским, которое в доброй своей части состояло из земель, уступленных Пруссии, т. е. Германию по Тильзитскому миру. Когда вслед затем Людовик XVIII вторично был возвращен во Францию с помощью собственно германских войск, Александр добился от нового короля обещания, что он будет поддерживать русские планы относительно Польши и Востока, и в том, что второй Парижский мир (20 ноября 1815 г.) оказался для нас, немцев, не более благоприятным, кроме Англии повинна прежде всего Россия.

"В течение 23 лет с 1792 по 1815 г. Россия в качестве нашего принципиального союзника против Франции принесла нам больше вреда, чем в качестве открытого союзника Франции против нас. А сколько зла частью морального, частью материального принесла нам Россия в следующие 23 года с 1815 по 1848 г. также в качестве принципиального союзника против Франции, об этом в Германии знает каждый ребенок, об этом достаточно вразумительно свидетельствуют устья Дуная. Опасная сторона царской империи для нас заключается не в личности отдельного русского царя, а в направлении русской политики в том виде, как она определяется особенностями этого государства. Принципиальное нерасположение Павла к Франции кончилось сговором Франции и России против нас; принципиальное нерасположение Александра к Наполеону кончилось соглашением обоих императоров, которое должно было отдать в руки одного восток, а в руки другого - запад Европы; принципиальное нерасположение царя Николая к конституционной Франции кончилось тем, что незадолго до июльской революции 1830 г. царь и Карл X столкнулись в том смысле, что один должен был расширяться на восток нашего полушария, а другой захватить левый берег Рейна. Признак того, что принципиальное нерасположение того же Николая к Луи-Филиппу с течением времени прошло, можно было явственно наблюдать в течение последних месяцев в связи с русскими займами. Если бы была написана секретная история изгнанного французского короля, то в ней было бы сказано, что эта новая дружба между востоком и западом была дружбою в ущерб Германии, и как бы теперь Россия принципиально ни ненавидела республику, тем не менее не преминет наступить день, когда республика и абсолютная монархия начнут действовать против Германии сначала тайно, а затем открыто" *(Автор [статьи] судит о современной Франции и о нынешней Французской республике по первой республике, которая несла в себе возможность превращения в военную монархию. С тех пор и обстоятельства И Франция стали совершенно иными. (Примечание М. Бакунина).)*

Автор этой статьи заканчивает первую часть ее следующими словами:

“Мы будем поляками XVIII века, если в разгар нынешней мировой бури у нас не хватит решимости стоять на собственных ногах без посторонней помощи”.

Так выражается "Аугсбургская Всеобщая Газета". Мне не приходится говорить, что я совершенно не согласен с тем духом, которым проникнута эта статья. Автор ее очевидно принадлежит к консервативной, тевтономанской, народо-ненавистнической партии, которая втайне преклоняется перед колоссальным эгоизмом русской политики и лишь сожалеет о том, что Германия не может занять место России, к той партии, которая не только хочет сохранить под властью Германии иноземные народы, еще стонущие под прусским и австрийским игмом, но и готова лить слезы по поводу того, что не весь мир родился немецким, - к партии, которая за последние два года как раз больше всего и способствовала тому, что справедливейшие чаяния Германии не осуществлялись. Но факт остается фактом, и последнее опасение автора, что Германию может постигнуть печальная участь Польши, не только основательно, но уже находится на пути к осуществлению.

Германия, взятая в целом, уже сейчас находится в таком же, а, быть может, и худшем внутреннем положении, чем Польша накануне первого раздела. Последняя была раздроблена и предана в руки своих врагов непатриотическим честолюбием своих магнатов; Германии же угрожают таким же концом противоречивые интересы ее 30 династий, непатриотичное настроение ее аристократии и-должен ли я употребить это выражение?- лояльное, но непатриотичное настроение или ослепление ее военщины. Все эти обстоятельства, которые хорошо известны русским дипломатам, ими старательнейшим образом используются, и, употребляя выражение князя Меттерниха, которое он применил незадолго до французской революции в переписке с лордом Пальмерстоном [13], говоря об Италии, для русского кабинета слово "Германия" давно уже является не политическим понятием, а "географическим термином".

Чтобы ознакомиться с заветными планами России относительно Германии, достаточно раскрыть знаменитое Port(o)folio, которое, как известно, содержит лишь вполне подлинные и официальные акты; интересные разъяснения можно также найти в не менее известной, по крайней мере для немецкой публики, "Пентархии" [14]. Политика петербургского кабинета может быть резюмирована в следующих немногих словах: держать Австрию и Пруссию под угрозой с помощью их немецких владений, равно как с помощью их взаимного соперничества, и защищать, южную Германию против обеих этих держав, особенно против Пруссии. Но на официальном языке России защищать значит деморализовать, разделять, подчинять своей власти. Так Россия защищала польских диссидентов от католической Польши, саму Польшу-от Пруссии и Австрии, так она официально навязала себя в защитники Молдавии и Валахии и взяла под свое высокое покровительство турецкую Сербию, так она защищает самое Турцию и Грецию, так же она защищает уже и Германию. Все завоевания России начинаются с такой защиты.

На этом языке "охранять" означает также разделять. Русский кабинет слишком скромнен для того, чтобы самому претендовать на все; обыкновенно он довольствуется в начале самую незначительную часть добычи, предоставляя своим пособникам наиболее значительную долю, но позднее он легко находит случай вознаградить себя за свою скромность. Несмотря на свои армии, русское правительство чувствует себя слишком слабым для удушения свободы и порабощения Европы, оно очень хорошо знает, что не может рассчитывать на симпатии собственных народов, и что требуется лишь решительное восстание народов Европы для того, чтобы вызвать взрыв в России. Русский кабинет чувствует и знает опасную

сторону своего положения и потому продвигается с величайшей осторожностью; его главное стремление, равно как весь секрет его дипломатии, заключается именно в том, чтобы находить пособников, чтобы соблазнять самых сильных своих соперников и противников на участие в общем грабеже. На опыте с Польшею оно убедилось, как выгодна для него такая политика. Этим оно не только подрывает существование обреченной им на непосредственную смерть страны, но и подчиняет себе также дух, свободу движений и самостоятельность своих пособников, неудержимо втягивает их в "магический круг" своей тлетворной работы, убивает враждебный ему дух справедливости, человечности и свободы и распространяет свое тлетворное влияние далеко за пределы своего царства. А для этой России деморализовать значит завоевать.

О том, что Россия уже проделала с 1815 года для деморализации германских стран, знает, как выражается автор цитированной статьи, каждый ребенок, и, чтобы высказать всю правду без обиняков, Россия через посредство Австрии и Пруссии, равно как с помощью присвоенной ею себе роли защитницы южной Германии, была незримым руководящим гением Германского Союза. Но что России не было чуждо и до сих пор не остается чуждым человеколюбивое намерение разделить Германию, об этом достаточно ясно свидетельствует приведенный тем же автором подлинный факт: действительно незадолго до июльской революции русский император и Карл X задумали не более, не менее как произвести первый раздел Германии. Да, если нынешний царь может в чем-либо упрекнуть своего предшественника Александра, то единственно в том, что тот не сумел лучше использовать готовность Наполеона. Всем известно аффектированное преклонение царя перед Наполеоном; недаром он отдал руку своей старшей дочери герцогу Лейхтенбергскому [15]: он рассчитывал на появление во Франции второго Наполеона. В 1848 году падение Луи-Филиппа гораздо меньше его беспокоило, чем движение в Германии; во Франции он надеялся на установление военной республики и вместе с нею на заключение франко-русского союза против Германии и Англии. Даже фактическое президентство господина Ламартина 16 было ему приятно, потому что последний, как известно, открыто высказался за такой союз вскоре после своего возвращения с востока (В брошюре, озаглавленной "L'Orient" ("Восток"), он в очень определенных выражениях высказывается не более, не менее как за раздел Турции между Францией и Россией, и притом так, что первая получает Сирию и Египет, а европейская Турция вместе с Константинополем предоставляется России; Бельгия и Рейнские провинции входили, разумеется, в план для его округления. Как известно, г-н Ламартин принадлежал к партии Моле [18], которого он в 1839 г. яро поддерживал против так называемой коалиции. Моле - это государственный деятель из школы Наполеона и горячий сторонник союза с Россией; его орган "Presse" ("Пресса") находится или ; по меньшей мере находился на русском содержании. Во всех своих писаниях, особенно в своей "Истории жирондистов", г-н Ламартин выступал в качестве открытого врага Польши, что естественно *(делало его еще более приятным в глазах русского кабинета. В качестве министра иностранных дел он также совершенно открыто предавал Польшу в интересах России. К этому последнему пункту я ниже еще вернусь. (Примечание автора.)*

Взятые в прямые скобки слова Бакунин забыл вписать в свою "Защитительную записку", они заимствованы из черновых ж ней набросков.).

и с тех пор выступал в пользу его в своих речах и писаниях. Известно, какую активность проявила Россия в избрании господина Луи Бонапарта в президенты Французской республики, которое по глупому расчету русского кабинета и многих других должно было послужить для него ступенью к трону. Россия просчиталась: никогда демократическая Франция - а несмотря на все внешние и внутренние старания, другой Франции ныне не существует - никогда Франция не станет снова монархией или военной республикой, а скорее она заключит союз с Англией и с свободной Германиею (когда таковая появится) против русского деспотизма, чем с последним против немецкой и всеобщей свободы [17]. Таким образом петербургскому кабинету придется отказаться от союза с Францией. Он уже в этом утешился, он нашел против Германии другого, лучшего союзника. Этим союзником является Австрия.

Я знаю, уважаемый господин [защитник], Вы не упрекнете меня в том, что я так свободно обсуждаю дела Вашего отечества. Как Вы видите, я при этом отнюдь не руководствуюсь каким-либо враждебным чувством. Но мне, пожалуй, следовало бы оправдаться перед моими судьями, которым такое хотя и чисто теоретическое вмешательство в защитительном документе иностранца, русского может показаться излишним и даже неуместным. Пусть же мои строгие судьи поразмыслят над тем, что нынешние судьбы всех европейских народов столь удивительно переплелись друг с другом, что никакая человеческая сила не в состоянии оторвать их одну от другой. В наше время существует не ряд отдельных историй, а одна единая великая история, в которой каждая нация играет свою роль, непосредственно обусловленную стремлениями и действиями [всех остальных наций]. Так я уже заметил, что главную опору российского государства следует искать скорее в Германии, чем в самой России. Ближайшее будущее России целиком и полностью зависит от того оборота, какой примут события в Германии, и вот почему я не могу обстоятельно говорить о Российской империи и о славянах, не затрагивая при этом внутренних отношений вашего отечества.

Никогда, пожалуй, Германия не находилась в таком критическом положении, как ныне.

Какая восхитительная страна! Народ, насчитывающий около 35 миллионов человек (германские шовинисты мечтают уже о 70 миллионах, но как славянин я естественно не могу с ними солидаризоваться), одаренный всеми возможными элементами цивилизации, богатства, прогресса, обладающий общим и глубоким образованием, какого не встретишь нигде ни в какой другой части света; все условия для процветания и силы, кажется, объединились в этой благословенной стране, чтобы сделать ее одною из самых цветущих, самых могущественных и самых счастливых! И тем не менее Германия не является ни нацией, ни силою. У нее нет еще народа, а без народа в настоящее время не может быть ни прочной силы, ни жизни. Как немецкий народ дошел до того, чтобы в сущности не быть народом, об этом вы знаете лучше меня и хорошо понимаете, что я этим хочу сказать: у него нет единого сознания, единого политического бытия, а потому и политического самочувствия, силы достаточной для проявления им своего гения, для охраны своих разрозненных, друг от друга оторванных членов от постороннего влияния, завоевания и раздела. Ибо ни одна отдельная часть Германии сама по себе не обладает достаточными силами для того, чтобы длительно сопротивляться все более угрожающему и все более дающему себя чувствовать напору Российской империи.

Стоит например вообразить себе войну между отдельною Пруссиею, которая все же является самым могущественным немецким государством, и Россиею. Независимо от трудностей, которые неизбежно возникнут для Пруссии в связи с ее польскими владениями, она, несмотря на свой ландвер и на свою превосходную военную организацию, должна будет пасть под повторными ударами русского оружия. Я говорю это, разумеется, не под влиянием патриотического угара, так как я поистине не питаю ни малейшей симпатии к завоеваниям российского государства. Последнее задавило бы Пруссию просто своею массою, и Пруссия снова должна была бы, как в 1813 году, воззвать к своим немецким братьям, даже к германскому народу, а это означало бы германскую революцию, - существующая же Пруссия боится таковой больше всего. И вот, если подумать, что между Пруссиею и Россиею лежит вся Польша, и что Пруссия владеет куском этой расхищенной страны, и что невозможно себе представить, чтобы Польша осталась спокойной свидетельницею и не сделала новой попытки освободиться, то придется признать, что такая война должна для Пруссии кончиться или вынужденною уступкою ее польских провинций России, или же освобождением их против России: таким образом в обоих случаях Пруссия потеряет эти провинции, а вместе с ними свое нынешнее равновесие, условия своего нынешнего уклада и мощи. Она принуждена будет, по слову своего королевского владыки в 1848 году, действительно раствориться в Германии. Пока Пруссия намерена уклоняться от радикального преобразования политических отношений в Германии и оставаться отдельным внегерманским государством, она должна избегать всякой войны с Россиею, она должна терпеть наглое вмешательство последней в немецкие дела, она должна оставаться зависимою от России.

В Германии она раствориться не желает, напротив она охотно опруссачила бы всю Германию. Она охотно бы это сделала, но не может, не может потому, что подобное усиление Пруссии с помощью Германии, как и усиление Германии с помощью Пруссии, не отвечает русским видам относительно Германии и Пруссии; она не может этого сделать потому, что Австрия этому всемерно противится, и наконец потому, что последние два года вряд ли много способствовали ослаблению сильного нерасположения германских народов к Пруссии. С обоими первыми препятствиями, а именно с Россиею и Австриею, Пруссия пожалуй еще справилась бы, если бы только сумела снискать симпатии немецкого народа, - все это, разумеется, при предположении, что она, найдя в Германии новую поддержку своей мощи, решится противопоставить свободную Польшу деспотическому царизму. Не исключена также возможность того, что народы Германии в конце концов решатся пожертвовать своею ненавистью к Пруссии ради основного интереса общего отечества, ибо народы обыкновенно руководствуются великими инстинктами и бывают готовы к великим жертвам. Но никогда многочисленные династии, ныне делящие между собою Германию, не согласятся добровольно признать гегемонию Пруссии, так как не подлежит ни малейшему сомнению, что такая гегемония в конечном счете положит конец их верховенству, а в последней инстанции и самому их существованию. История не знает еще примера добровольного политического самоубийства в интересах общего благополучия, да такое явление было бы противоестественным. Всякая власть, как бы ограничена и ничтожна она ни была и хотя бы она являлась самою неправою и самою вредною на земле, стремится удержаться как можно дольше. Германские династии наверное не составляют исключения из этого правила, и в этом заключается препятствие, которое очень хорошо используется Россиею и Австриею и преодоление которого на легальной почве представляется для

прусской дипломатии невозможным.

Таким образом современное состояние Германии чревато серьезными опасностями. При всех предпосылках величия и мощи она в конечном счете оказывается бессильной и беззащитной против всяких внешних влияний, я мог бы пожалуй сказать - против всякого нападения извне.

У Германии есть страшный враг, который подобно прожорливому коршуну подстерегает ее гибель. Чтобы дать отпор этому врагу, она нуждается в объединении всех своих сил, во всем напряжении своего порыва к свободе, но до сих пор она тщетно стремится к этому объединению, к превращению в целостный народ: она разделена больше чем на 30 кусков, и эти части управляются таким же числом независимых монархов, династические интересы которых резко расходятся с общими интересами Германии. Последняя для сопротивления русскому натиску нуждается в единстве, ей нужна действительная и решительная концентрация, и прежде всего ей требуется живое и длительное движение для обновления своей старческой больной крови, ибо только свежие жизненные соки способны скрепить в одно живое, сильное целое ее растерзанные и вследствие длительного отделения почти омертвевшие члены. Напротив инстинкт самосохранения царствующих династий нуждается в покое и в сохранении или точнее в восстановлении старины: всякое изменение, выходящее за рамки пустой видимости, грозило бы смертью их самостоятельному существованию. Поэтому органическое единство Германии может быть создано только немецким народом, ибо только в народе имеются кровь, сок, жизнь, тогда как немецкие монархи могут в лучшем случае осуществить механическое объединение, да и последнее еще весьма проблематично.

Но что же мешает, могут мне возразить, что мешает немецким монархам сговориться для спасения Германии? Ответ прост: их взаимное, вполне обоснованное соперничество. Сущность дипломатии заключается не в доверии, а в подозрении, и никто лучше самих дипломатов не знает, как мало у них основания доверять друг другу. Разговоры о бескорыстном единомыслии немецких правительств звучат, разумеется, очень красиво, но я только спрошу: кто этому верит? Во всяком случае не сами правительства, иначе им пришлось бы игнорировать собственное положение и совершенно забыть историю. Не одни Франция и Россия выросли за счет Германии; кому не известна история расширения Пруссии? Может ли например Австрия позабыть, что Пруссия в конце прошлого и в начале настоящего столетия с своекорыстным злорадством следила за постоянными поражениями Австрии от французского оружия, и что она даже воспользовалась победой Наполеона и несчастным положением австрийской монархии для того, чтобы добиться пожалования ей великим победителем в дар провинции Вестфалии? Может ли ганноверское правительство забыть, что Пруссия бросала алчные взоры и на Ганновер, и что в 1806 году, хотя и на короткое время, она действительно завладела им с разрешения французского императора? Может ли саксонская дипломатия забыть, что та же самая Пруссия, использовав великое общегерманское воодушевление освободительной войны, в 1815 году захватила большую половину Саксонии? И наконец разве южно-германские правительства не поняли многозначительного намека, данного им в 1814 году оккупацией Рейнской провинции? И кто поверит, кто может поверить тому, что если бы этой самой Пруссии ныне снова представился случай завладеть куском Германии, то она простерла бы свою скромность до

того, что не воспользовалась бы этим случаем, что ее удержало бы от такого шага идиллическое правовое чувство или мягкая деликатность по отношению к своим германским союзникам? Кто не убежден в том, что гегемония или даже только кратковременная диктатура Пруссии в Германии должна была бы повлечь за собою постепенное ослабление остальных германских монархов в пользу прусской державы, а вскоре и их медиатизацию?

Весьма возможно, что новое расширение Пруссии за счет германской территории послужит на пользу Германии; по крайней мере не подлежит никакому опору, что Германия могла бы тогда занять по отношению к России гораздо более независимую позицию, но столь же несомненно, что остальные немецкие монархи в результате такой перемены потеряли бы много, если не все, и потому их нельзя слишком уж сильно упрекать в том, что они выказывают недоверие к Пруссии. Они гораздо увереннее чувствовали бы себя на первое время под верховною властью Австрии, ибо в настоящий момент Австрия заинтересована в защите этих монархов и их легитимных прав от свободолюбивых и объединительных стремлений германского народа, равно как от властолюбия Пруссии. Но австрийская гегемония это - тоже особая статья: во-первых Австрия-уже не немецкая держава, ее нынешние притязания на Германию прямехонько направлены против безопасности, мощи и свободы немецкой нации - все эти положения я постараюсь в дальнейшем доказать. Австрия стала слишком зависимою от России, в гораздо большей мере, чем Пруссия; последняя при известных условиях может еще освободиться от удушающей дружбы с.-петербургского кабинета, Австрия же этого уже не в состоянии сделать. Кроме того она связана необходимостью считаться с подавляющею массою своих ненемецких, особенно же славянских подданных, которым она дала определенные обещания. Одним словом, несмотря на свои недавние победы в Венгрии и Италии, она больна, она уже не движется, с прежнею свободою, ибо она поражена в самое сердце и отведала верно-убивающего яда русской помощи.

Сверх того Пруссия столь же мало станет терпеть австрийскую гегемонию в Германии, как Австрия терпела бы прусскую. С тех пор как Пруссия стала королевством, т. е. около 150 лет, она не переставала стремиться к тому, чтобы вытеснить Австрию из Германии и самой занять ее место. Все ее действия систематически подсказывались этим неизменным планом и для достижения этой цели она, как я выше показывал фактами, не стеснялась и не боялась ни союза с Французскою республикою и с Наполеоном, носившего тогда в высшей степени антигерманский характер, ни союза с Россиею. Даже самый Германский таможенный союз [19], независимо от его бесспорной и большой пользы для всей Германии, она направляла в таком же смысле, т. е. против Австрии. И теперь она сразу бы отказалась от всех плодов столь рассчитанной и трудной работы и от всех преимуществ, достигнутых ценою стольких кровопролитий и других жертв, и этим позволила бы снова воскреснуть отмирающему влиянию Австрии в Германии и согласилась бы подчиниться ее преобладанию? Подобный образ действий был бы чистейшим самоубийством. Пруссия вынуждена остаться и продолжать идти по тому пути, на который она уже вступила, она должна выступать против влияния Австрии в Германии до тех пор, пока ей не удастся всецело его разрушить, она должна еще более округлять свои владения в Германии: в противном случае она не могла бы долго удержаться на достигнутой ею высоте.

Пруссия далеко еще не достигла своей конечной цели; в настоящее время она еще находится на полпути к ней. Правда она уже возвысилась до положения первоклассной державы, но чтобы удержаться на этой высоте, она должна затрачивать невероятные усилия. Этим положением она обязана не своим естественным условиям, а своей искусственной и, можно сказать, напряженной военной организации, ловкости своей дипломатии и прежде всего сильной моральной поддержке остальной Германии, которая, несмотря на свою решительную антипатию к прусскому укладу и на неоднократные разочарования, ждет еще от Пруссии в будущем своего освобождения. Ведь Пруссия насчитывает только 16 миллионов душ, в то время как Австрия-37 миллионов, Франция свыше 35 миллионов, Россия около 60 миллионов жителей, не говоря уже об Англии, которая кроме своего 25-миллионного населения обладает в своем островном положении, в своем флоте, богатстве и торговле еще рядом добавочных элементов силы и безопасности от внешних врагов. Итак мы имеем чрезвычайно невыгодное отношение для Пруссии, причем эта невыгода даже не перевешивается благоприятным географическим положением, ибо последнее, как известно, благодаря слишком большой растянутости и недостаточной широте территории является в стратегическом отношении самым неблагоприятным в мире. Она также отнюдь не компенсируется особою сплоченностью прусских провинций, ибо, не говоря уже о ее польских владениях, узы, связующие вновь присоединенные области с прусским государством, можно напротив назвать довольно непрочными; эти области держатся скорее механическою военною связью, но долго еще не сольются с основным ядром Пруссии посредством исторической привычки, интересов и симпатий. Кто например не знает, что Рейнская провинция и южная, гораздо большая половина Вестфалии настроены враждебно к Пруссии и тяготеют к южной Германии, что саксонцы, насильственно оторванные от своего основного ствола в 1815 году [20], радостно приветствовали бы воссоединение с последним? И никто не обвинит меня во лжи, если я заявлю, что даже в Силезии, по крайней мере в Бреславле и за Бреславлем, настроение далеко не благоприятно Пруссии, на что имеется немало оснований - религиозных, политических, промышленных и пожалуй даже национальных, распространяться о которых подробно здесь было бы не у места. Итак рассматриваемая даже с чисто материальной стороны, Пруссия по меньшей мере втрое слабее России и вдвое слабее Австрии. В отдельности взятая, она не в силах противостоять ни французскому, ни русскому оружию, а тем более конечно объединенным силам России и Австрии. О победах Фридриха Великого [21] здесь не приходится говорить, так как во-первых подобные герои рождаются не часто, а во-вторых мощь России с тех пор необычайно возросла. Сжатая между Россией и Австриею, Пруссия находится таким образом в постоянной опасности быть ими раздавленной и уничтоженной; положение - чрезвычайно критическое, делающее для нее необходимым беспрестанное, в высшей степени утомительное напряжение. Известно также, что Пруссия расходует свыше трех частей своих ежегодных доходов на свои военные силы. В случае нужды Пруссия, считая ландвер обоих призывов, может пожалуй выставить армию численностью в 500.000 человек, правда огромную массу, но этим исчерпываются последние средства Пруссии: промышленность и сельское хозяйство после мобилизации такой армии были бы совершенно лишены рабочих рук, и еще большой вопрос, в состоянии ли Пруссия действительно поднять такую массу чисто административными средствами, без народного одушевления и без народного сочувствия. Но известно, какими средствами и какими жертвами покупаются в наше время воодушевление и симпатии народов.

Из всего этого следует, что Пруссии придется много еще сделать для того, чтобы действительно и естественно стать державою первого ранга. До сих пор она удерживалась на достигнутой высоте во-первых благодаря своей из ряда вон выходящей военной организации, во-вторых благодаря благоволению России, в интересах которой было не допускать чрезмерного возвышения Австрии, в-третьих благодаря упомянутой выше моральной поддержке Германии, которая за последнее время впрочем сильно ослабела и дальнейшее сохранение которой зависит от определенных, неустранимых условий. До сих пор Пруссия счастливо и действительно ловко лавировала между всеми подводными камнями, стараясь в то же время удовлетворять следующим трем условиям своего существования: она направила свое главное внимание на усовершенствование и усиление своей военной мощи и этим показала, что не собирается отказаться от своего основанного исключительно на военной силе государственного устройства; она оказала России всю возможную поддержку в деле угнетения Польши и вообще присоединилась самым решительным образом к реакционной политике России в Европе; но в то же время она заигрывала с германским либерализмом и с германскими стремлениями к единству, стараясь выставить себя в качестве будущего восстановителя германской свободы и чести. Она так глубоко сознавала необходимость снискать симпатии Германии, что уже в 1845 году, т. е. за три года до революции, ввела у себя особый род лжеконституционализма [22].

Теперь время выжидательной политики прошло; лавировать дальше уже невозможно, и Пруссия должна принять определенное решение. Уже в 1845 году Россия именно вследствие этого заигрывания Пруссии с Германией) и свободою повернулась к ней спиною и в настоящее время решительно стоит на стороне Австрии. Довольно долго Россия охраняла, подготавливала, подкапывалась и убеждала, теперь она хочет пожать плоды. Двинуться прямо на Германию она еще не может, - этот плод еще слишком зелен и должен под ее незримым попечением еще созреть; но она явно решила двинуться на Турцию, и весьма правдоподобно, что она желает заполучить еще гораздо большую часть прежней Польши. Прежде всего она должна подавить вольный дух, который так внезапно поднял голову в Европе и имел достаточно бесстыдства, чтобы постучаться в ворота ее собственной империи. С другой стороны и немецкий народ стал более бдительным, он чувствует свое опасное положение и уж не дает себя обмануть мнимыми уступками и посулами журавля в небе. Теперь он требует от своих друзей прямых, решительных действий, и никакою другою ценою нельзя завоевать его симпатий, его активной поддержки. Таким образом налицо имеются два лагеря: с одной стороны Германия и свобода, а с другой-Россия и Австрия. Пруссия должна сделать свой выбор между ними. Такою, как она есть, отъединенною она не может оставаться; она должна иметь союзников, она должна стать гораздо сильнее; ее нынешнее состояние не отвечает критическим требованиям времени, она должна округлиться так или иначе, а для этого ей представляются два пути: она должна или снова полностью столкнуться с Россией и Австриею, дабы вместе с ними предпринять частичный раздел Германии, причем России придется дать удовлетворение в Турции, Галиции и Великом Герцогстве Познанском; или же она должна решиться стать во главе германской нации против России и Австрии, подкрепляя себя поддержкою всей Германии, то ли опруссачив Германию, то ли сама растворившись в Германии, что в конечном счете привело бы к одному и тому же результату. Третьего пути для Пруссии не существует, а о согласовании первых двух сейчас не приходится и думать. Оба пути возможны, но оба несвободны также от опасности.

Что Россия и Австрия с великою радостью примут в свой дружественный союз отпавшую от них по указанным причинам, а ныне раскаявшуюся Пруссию, это не подлежит никакому сомнению. Этим была бы отрублена голова постепенно растущей в Германии силе и воздвигнута новая плотина против духа свободы. Россия ничего так не желает, как восстановления прежнего тройственного союза, так как последний представляет основной базис, на котором основывается и развивается вся ее внешняя политика. С другой стороны, хотя Австрию отделяет от Пруссии сильная и вполне основательная антипатия, однако эта антипатия существовала не в меньшей степени в конце XVIII века, когда все три северные державы объединились для совместного разбоя над Польшей - доказательство того, что взаимное соперничество не может мешать временному соглашению, когда его требуют взаимные выгоды. Сейчас же Австрия настолько пленена российской дружбой и в скором времени принуждена будет заплатить за эту дружбу такими значительными жертвами, что ей ничего другого не остается, как расширить свои пределы и компенсировать себя в Италии и в Германии, а для этого ей необходимо соглашение с Пруссией и ее поддержка, ибо в таком случае Австрия будет иметь против себя не только Германию, но и Францию и Англию. Россия и Австрия сами по себе недостаточно сильны, чтобы отважиться на принципиальную борьбу со всею Европою и в особенности с Европою, одушевленную идеями свободы.

Для такой цели Пруссия может заключить особый договор с обеими северными державами, своими естественными соперницами, не нарушая этим своих принципов, не изменяя своей традиционной политики и не прекращая своей борьбы на жизнь и на смерть с Австрией. Эта борьба будет только отсрочена на более позднее время, а обе державы постараются использовать этот построенный на чисто временном интересе союз для того, чтобы объегорить друг друга и занять выгодные позиции в предвидении неминуемого в будущем конфликта [23]. Чтобы не ходить далеко за примерами, сошлюсь на раздел Польши, который показывает нам, что такая политика возможна и нисколько не противоречит ни природе, ни принципам, ни широкой совести прусского государства. Раздел Польши доказывает также, что Пруссия может вступить на этот путь, не подвергаясь опасности со стороны Австрии и по крайней мере непосредственной опасности со стороны России. Опасность грозит в совершенно другом направлении: она заключается в современном настроении не только остальных германских народов, но и самого прусского народа, который выказал решительную антипатию к русско-австрийскому принципу, который решительно хочет свободы, восстановления германской независимости и чести, а в настоящее время, что бы там ни говорили и как бы ни чванились убедительною силою штыков, настроение и волю народа нельзя игнорировать. Союз между Россией, Австрией и Пруссией неизбежно бросил бы подавляющую часть остальной Германии, даже самих германских монархов, интересам которых такой союз явно угрожал бы, в объятия Франции, т. е. в объятия революции.

Второй путь был бы для Пруссии совершенно новым. В нем имеется много притягательных сторон, но он влечет за собою опасности весьма серьезного характера. Становясь во главе Германии, Пруссия этим самым немедленно объявляет войну России и Австрии, но она делает своими врагами не только их, но и всех остальных германских монархов и принуждает их искать защиты у обеих этих северных держав. Таким путем Пруссия сама высказывается за дело революции, ибо без обращения ко всему германскому народу, без поддержки Франции и Англии такой резкий поворот невозможен, а бог весть как далеко

может завести эта революция! Мы видим пролог ее и теперь переживаем ее первый акт, а кому не известно, как ненавидит революцию и как боится ее нынешняя Пруссия!

Таким образом оба пути исполнены трудностей и опасностей, а Пруссии приходится выбирать только между ними, так как она обязательно должна округлиться, укрепиться, никаких же других средств к этому кроме указанных двух путей не существует. Она должна решиться. Недалеко то время, когда немецкий вопрос должен разрешиться тем или иным способом, сильной внутренней или внешней катастрофой, а, может быть, и обеими вместе, и горе тем, кто будет застигнут врасплох новою неизбежною бурей!

На этом я прерываю свое изложение. Как Вам известно, я уже в течение года не читал газет [24] и потому не знаю, что происходит на свете. В настоящее время один год значит больше, чем десять лет в другую эпоху, а кто вздумал бы конструировать историю а priori, рисковал бы впасть в серьезные ошибки. До сих пор я основывался на природе вещей, а потому не думаю, чтобы я сильно ошибался. Я хотел только показать, что Пруссия и Австрия, без взаимного соглашения которых остальные немецкие князья вряд ли в состоянии будут создать что-либо долговечное и прочное, никак не могут договориться для блага германской нации, а напротив могут столкнуться только во вред ей, т. е. лишь в смысле раздела Германии; что бы Пруссия ни предприняла, выступит ли она совместно с Россиею и Австриею" против остальной Германии или же во главе Германии против России и Австрии, ее политика неизбежно будет угрожать самостоятельности и даже существованию остальных германских династий. Об особой позиции Австрии по отношению к Германии и России я еще буду иметь случай высказаться обстоятельно, и, мне думается, нетрудно будет доказать, что политика Австрии безусловно и непосредственно направлена против безопасности и против интересов германской нации, а посредственно также противсамостоятельного существования германских государей. Чтобы закончить картину немецкой смуты и, простите мне это выражение, немецких бед, я должен был бы сказать еще несколько слов относительно особой политики Баварии, но это завело бы меня слишком далеко, и теперь, как я думаю, я с полным правом могу повторить мое прежнее утверждение, что самая добрая воля немецких правительств, вместе взятых, никогда не в состоянии будет осуществить действительное, мощное, от русского влияния независимое германское единство.

Только германский народ может осуществить такое единство, но и ему придется преодолеть величайшие трудности. Долго мечтал он о своем единстве, наконец он проснулся и передал в руки своих ученейших мужей великое дело своего освобождения. Последние собрались во Франкфурте и в качестве настоящих ученых не преминули сразу же испортить доверенное им святое дело [25]. Но тогда народы Германии, части единого неорганического целого, снова поднялись и попытались собственными силами подать друг другу руки. Вы знаете, милостивый государь, какой им был дан на это ответ. Что последовало вслед за сим, я не знаю. Но смею сказать Вам и даже моим судьям, что карточка, которою осыпали в мае 1849 года народ в Дрездене, отхватила также кусок германского единства и мощи.

Задавался вопрос, какой интерес может быть у иностранца, у русского в возрождении Германии. Искренность моих пожеланий в отношении Германии взята была под сомнение; а

между тем дело представляется мне столь простым, что я не могу взять вдомек, как другие его не понимают. Я уже раз заметил, и здесь снова повторяю, что прошло, давно уже прошло то время, когда судьбы народов не зависели друг от друга; они солидарны в счастье и в горе, в прогрессе культуры и промышленности, а прежде всего в деле свободы. Свобода и величие Германии разумеется в ее действительно немецких границах, а не вне их не в романтическом охвате тевтономанской патриотической песни [26] - составляют необходимое условие общеевропейской свободы, необходимую предпосылку освобождения России. Предрассудки и увлечения узкого патриотизма в настоящее время утратили всякий смысл и могут быть теперь понятны только у поработанных народов, как-то итальянцев, венгерцев, поляков и других еще угнетенных славян. Россия, хотя и погрязла в глубочайшем рабстве, не поработана никаким иноземным народом, а напротив сама играет роль угнетателя, хотя и делает это против своей воли, будучи принуждена к этой позорной и поистине никакой выгоды не приносящей роли с помощью кнута, и только освобождение уже угнетенных ею народов, только пробуждение и самоопределение народов, свободе коих она уже угрожает, в частности Германии, а также австрийских и турецких славян, может сломать этот кнут, первую несчастною и, должен прямо сказать, опозоренною жертвою которого она сама является. Мне кажется, что этих мотивов вполне достаточно для того, чтобы оправдать мое действительное, искреннее горячее сочувствие преуспеянию говорящих по-немецки народов, если только это сочувствие вообще нуждается в оправдании.

Ясно, что Германия уже не может долго оставаться в своем современном виде. Ее внутренний нарыв созрел, ее старые формы настолько обветшали, что никто кроме людей, лишенных смысла, ничему не научившихся, ничего не забывших и никогда ничего не понимавших, не может о них и думать, а бушующие вокруг бури слишком всемогущи для того, чтобы она, находясь во власти опасной болезни, могла быть ими пощажена. Впрочем Германия издавна была тою ареною, на которой находили свое разрешение величайшие исторические вопросы, и, уже теперь охваченная всеобщим движением, она или будет счастливым кризисом исцелена и спасена и вскоре превратится в великую свободную державу или же погибнет; сначала она будет медленно чахнуть, теряя кусок за куском свои лучшие земли в пользу наследственного врага и его союзников, а затем, как некогда Польша, будет окончательно уничтожена смелым ударом или, пользуясь классическим и здесь пожалуй более подходящим выражением, смелой хваткой. В Германии всем известно, что этот наследственный враг есть русское государство, а теперь я должен показать, что Австрия является главным союзником России против Германии.

Для каждого древне-немецкого сердца прискорбна необходимость признать, что Австрия перестала быть частью Германии!

Великие исторические воспоминания и вся германская романтика связаны с именем Австрии: германский император, бывшее германское великолепие, когда имя Германии гремело в половине Европы, и романтика будущего, в сиянии которой весь покоренный мир уже казался лежащим у ног вновь возвеличенной Германии и вторил знаменитой песне Арндта (Здесь у Бакунина описка: Arend's вместо Arndt's. Бакунин явно имел в виду не баснописца Леопольда Аренда, а Э. М. Арндта, автора патриотических песен (см. ком. 26 к "тому документу).).

Прискорбно народу проснуться всего только 35-миллионным после того, как в течение столь долгого времени он воображал себя нацией в 70 миллионов! Отпадением же Австрии затрагиваются не только грезы, но и интересы более важного характера и более действительного значения: судоходство по Дунаю, т. е. вся южно-германская торговля, торговля с Италией, Адриатическое море, а вместе с ним и половина германского флота, целая половина германского судоходства - великолепное будущее! Более того, эта великолепная, миром овладевающая Германия, будучи не в состоянии вследствие своей злосчастной раздробленности оградить свою собственную неприкосновенность, привыкла с 1815 года при всех извне грозящих опасностях рассчитывать только на Пруссию и Австрию, рассматривать их как единственных хранительниц от всяких вражеских напастей; и в этом распределении охранительных обязанностей величайшая и бесспорно тягчайшая доля доставалась Австрии; Австрия должна была противодействовать растущему могуществу России, мешать дальнейшему проникновению ее в Турцию, освободить устья Дуная от ее господства; взамен она должна была открыть врата Востока для германских интересов, германского политического влияния и торговли, помогая им укрепиться в этой столь важной части света, на которую с некоторых времен обращено главное внимание всей европейской политики. А теперь Германии приходится отказаться от всех этих преимуществ, от этой защиты, от этой помощи!

Замечательно, что австрийская помощь и австрийская охрана от России никогда не существовали в действительности, а лишь и фантазии немецких мечтателей. Не говоря уже об участии Австрии в ограблении Польши, кто способствовал завоеваниям Екатерины II в Турции, и вместе с нею даже предпринял, а наполовину и осуществил первый раздел этого государства? Австрийский император Иосиф II. Разве царь Павел не был вплоть до 1800 года союзником Австрии? Между 1800 и 1815 годами Австрия сама находилась в очень затруднительном положении, и это может служить для нее извинением в том, что в продолжение этого периода она не могла лучше защитить Турцию от русских посягательств; но в 1815 году она снова обрела свободу движений и все свое могущество, теперь она могла повернуть свою политику против России и вправе была в таком случае полностью рассчитывать на активную поддержку Англии. Почему же Австрия этого не сделала? Почему она стала вернейшим союзником России? Почему она терпела русские захваты в Турции (1829 г.) и Польше (1831 г.)? А разве теперь она не привязана душой и телом к России? Разве она не делает всего того, что хочет Россия? Разве она не поддерживает Россию в Молдавии и Валахии? Разве она не предает ей и не закрепляет за нею устья Дуная, которые должны были быть немецкими? И кто может сомневаться в том, что она купила себе русскую помощь в Венгрии только обещанием слепо подчиниться русской политике в Турции? Это ли поступки первой и сильнейшей хранительницы Германии?

Собственно уже с Вестфальского мира Австрия начала отделять свою политику от интересов Германии. С 1806 года и 1815 года она совершенно перестала быть немецкою державою. Ее место заняла Пруссия.

Стоит только взглянуть на карту: на 38 приблизительно миллионов подданных австрийская монархия едва насчитывает 8 миллионов немцев, - и эти 8 миллионов должны были онемечить остальные 30 миллионов? Дело шло, пока австрийские властители были

одновременно и германскими императорами, шока они носили на голове блестящую римскую корону, пока они могли опираться против друг друга ненавидевших и не прекращавших бесконечной взаимной борьбы славянских, мадьярских, валашских и итальянских племен на если и не очень компактное, то все же кое-как удерживаемое единство 25 миллионов немцев: тогда перевес был на стороне немцев, а различные австрийские народы, частью покоренные оружием, частью приобретенные по договорам и избирательным капитуляциям [27], были постепенно принуждены склониться перед преобладающим влиянием Германии. Ныне же отношение изменилось в обратную сторону: теперь немцы стали меньшинством, а остальные 30 миллионов, как всякий мог убедиться в этом за последние два года, далеко еще не были онемечены.

Вместо объединенной силы, насчитывающей около 25-30 миллионов немцев, в настоящее время имеется только раздробленная, податливая чуждым влияниям Германия, а вместо Римской империи на севере возникла страшная и угрожающая, называющая себя славянской держава с 60 миллионами населения, неудержимо притягивающая к себе 16 миллионов живущих в Австрии славян. Вправе ли еще нынешняя Германия надеяться на то, что ей удастся онемечить эти ненемецкие я никогда не бывшие немецкими народы?

Я здесь совершенно отвлекаюсь от вопроса права. Я не спрашиваю, будет ли такое предприятие соответствовать понятиям о свободе или справедливости, общим интересам человечества,- я ставлю только вопрос о средствах и о возможности его осуществления. Неужели же ненемецкие народы в Австрии действительно настолько слабы, настолько полностью лишены самостоятельности и собственной силы, что ими можно помыкать по усмотрению? И не имеет ли каждый из них за исключением мадьяр крепкую точку опоры и притяжения за пределами австрийской монархии: ломбардо-венецианцы-Италию, славяне-Россию! Вы разрешите мне, уважаемый господин [защитник], сделать краткий обзор этих народностей. Я начну с Ломбардии.

Не приходится тратить много слов там, где история уже изрекла свой приговор. Кто после событий последних двух лет может еще сомневаться в том, что итальянцы Ломбардо-венецианского королевства [28] ненавидят австрийское иго, что они со всею энергиею и страстью южного темперамента стремятся к объединению с общим итальянским отечеством, тот заранее твердо решил не видеть самых очевидных фактов и не слышать самых неотразимых аргументов. Ломбардцы доказали даже больше, чем это: они показали в марте 1848 года, как свободолюбивый и патриотически настроенный народ может без оружия побить и выгнать из прочно укрепленных позиций армию в сто, в тысячу раз более сильную. Это - славнейшее деяние в летописях свободы, это - блестящий факт, которого никакую софистику не замажешь и никакую заматерелю во лжи и пресмыкательстве диалектикою не заговоришь. Эта победа далее доказала, что в славной борьбе приняли участие и этим выказали свою волю к освобождению от австрийского рабства и к слиянию с Италией не одни только города, как утверждали некоторые консервативные германские газеты, но и сельское население, крестьяне, а значит и весь ломбардский народ. Правда ломбардо-венецианское население благодаря предательству итальянских спада (Военачальников, военщины.) снова подпало под прежнее рабство, правда его вожди снова подверглись преследованию, изгнанию, смертной казни, повешению и расстрелянию по судебным приговорам или, что еще гораздо хуже, заключению в австрийских тюрьмах. Но

право же все это - жалкие аргументы против проснувшегося сознания народов! Свобода питается кровью своих мучеников, и чем больше число павших за нее героев, тем вернее, мощнее и блистательнее ее будущее. Первый крупный шаг сделан: ломбардский, итальянский народ проснулся, он действительно ощутил свое живое единство, никакие песни сирены не в состоянии больше погрузить его в старый сон, и из его оплодотворенной пролитой кровью земли восстанут новые, лучшие вожди.

Чтобы удержать Ломбардию, Австрия должна была бы уничтожить всю Италию, подчинить ее своему игу; ибо до тех пор, пока будет существовать независимая от Австрии Италия, все симпатии, интересы, чаяния и пожелания ломбардо-венецианского населения будут естественно обращаться к ней; до тех пор, пока будет существовать Италия, ломбардо-венецианцы никогда не примирятся с ролью подножия для ненавистной австрийской силы или германского красноречия. Для достижения своей цели Австрия с 1815 года применяла в Италии совершенно ту же самую политику, которая так удалась русскому кабинету в Германии - политику, которая может быть сформулирована в следующих немногих словах: при помощи их собственных правительств деморализовать народы, разделять, обессиливать их И, усыпляя, приводить в рабство. Кто не знает истории австрийского влияния в Турине, в мелких итальянских княжествах, в Риме и Неаполе, в котором это влияние, как известно, старательно поддерживалось русским кабинетом? Прошу Вас, милостивый государь, прошу моих судей позволить мне при этом случае сделать следующее маленькое замечание.

Факты, о которых я говорю и о которых я здесь просто упоминаю, известны, они достовернее официальных фактов; всякий, к какой бы партии он ни принадлежал, должен признать их истинность, по крайней мере перед своею совестью, если таковая у него имеется. Какие только средства не употреблялись под влиянием Австрии и России итальянскими правительствами против итальянского народа, для того чтобы навеки удержать его в состоянии незрелости? Ложь, лицемерие, растление, жестокие убийства, расслабление воли, денежный подкуп, застрашивание, угроза нищетою, сеяние суеверий, поповское умопомрачение словом все, что в состоянии придумать на пагубу и несчастье народов хитрейший и отвратительнейший иезуитизм, не забывая при этом и самих иезуитов. Стоит только напомнить о неаполитанских лаццарони [29], которые под руководством камарильи 30 и попов во всех великих кризисах неаполитанского королевства играли решающую роль. Эта пагубная политика, с 1815 года слишком хорошо известная под названием Реставрации [31] и Священного Союза [32], распространилась не только в Италии, не только в Австрии, Польше и России, но и по всей Европе. Я не намереваюсь огласить списки грехов за последние 35 лет и напомнить все позорные деяния, которые под официальным покровом совершались во всех концах Европы. Я сам со страхом отступаю перед тем зловонием, которое может явиться в результате такого копания в гнилом, хотя и недалеком прошлом, и не хочу еще более раздражать своих и без того раздраженных противников, подставляя им зеркало. Я хочу только слегка осветить природу этой реставрации.

После напряженного и лихорадочного сна средневековья европейские народы впали в мертвенную апатию, которую можно назвать золотым веком абсолютизма. Целиком погруженные в иезуитские или пиетистские мудрствования, они, казалось, утратили всякую силу, всякое живое побуждение, можно сказать - даже самую тень свободного

человеческого сознания. В течение этого периода упрочились европейские монархии, с неограниченной властью царствовали государи над безжизненными, рабскими массами, помыкая ими по своему усмотрению, деля их между собою, грабя и продавая их, как будто бы эти народы только на то и существовали, чтобы служить низшим орудием власти и чувственных вожделий для немногих привилегированных семейств, как будто гордость и жизнь государей обуславливались (У Бакунина здесь описка: сказано "bedient" вместо "bedingt".) поруганием и смертью народов (В доказательство я сошлюсь на классическое произведение вашего превосходного немецкого историка Шлоссера "История XVIII века" [33]. Почти все страницы этого 8-9-томного сочинения наполнены рассказом о княжеских сатурналиях к о порабощении народов. (Примечание М. Бакунина).). Просвещение XVIII века, порожденная им Великая Французская Революция, а позднее победы Наполеона пробудили наконец народы от их губительного сна. Они проснулись к новой жизни, к самостоятельности, к свободе, к нравственности; повсюду дали себя почувствовать новые запросы, новые потребности; родился новый мир, мир человеческого самосознания, человеческого достоинства (У Бакунина неразборчивое слово), короче сказать, родилось само человечество в самом священном и глубоком смысле этого слова, величайшая и единственная цель всякого общежития и "сей истории. До того народы были разделены, часто восстановлены и враждебно настроены друг к другу благодаря нелепым и искусственно привитым предрассудкам. Теперь они почувствовали потребность в взаимном сближении; правильный инстинкт подсказал им, что великая цель их освобождения, их очеловечения, к которой они все стремятся, может быть достигнута только объединением всех сил. Так постепенно сложилось общеевропейское движение, которое, то зарываясь далеко вглубь, то снова прорываясь на поверхность в виде какого-либо громкого деяния, способствуемое успехами общей культуры, особенно же непрестанно растущим расширением промышленности и торговли, незримо, но мощно сплотило все враждебные народы в один великий нераздельный организм и постепенно создало среди них ту солидарность, которая составляет характернейший признак, основную черту новейшей истории. Вы догадываетесь, уважаемый господин [защитник], что я имею в виду либерализм, который я прошу не смешивать с либерализмом нашего времени, так как последний представляет лишь безжизненный труп первого. В ту пору либерализм был еще полон свежей силы и жизни; он еще не выполнил своего великого предназначения, будущее принадлежало ему; он мог немного потерять, выиграть же мог все, поэтому он не страшился еще никакого движения и был еще чрезвычайно далек от той столь же эгоистичной, сколь и глупой мизантропии, до которой ему суждено было в конце концов опуститься как вследствие своего старчества, так и вследствие достижения им своих специфических целей. В то время он верил в человечество, стоял в оппозиции и сильно способствовал просвещению, эмансипации и даже возмущению масс. Для противоборства этому вновь пробужденному духу, для удушения этого нового мира человечности и свободы в его колыбели был в 1815 году заключен между всеми царствующими династиями Европы пресловутый Священный Союз, который стремился не более, не менее как к возвращению народов в рабство, к мертвечине XVII и XVIII веков, к старому безнравственному варварству, и который был не чем иным как перманентным заговором объединенной дипломатии Европы против цивилизации, против прогресса, против благосостояния и чести человечества (*Я не думал, чтобы здесь следовало приводить доказательства: кому же неизвестна эта печальная история Реставрации? Но если бы потребовались доказательства, то я сошлюсь на письма Берне³⁴ и на собственное знание моих судей, а если этого покажется мало, то на самые консервативные германские*

газеты 1848 года с февраля по май, например на "Всеобщую Аугсбургскую Газету" (Примечание М. Бакунина.).

Это так называемое дело реставрации, этот по-видимому только в шутку окрещенный именем "священный" союз, лишь надорванный, но не разорванный июльской революцией, просуществовал до 1848 года, и я вероятно не очень сильно ошибусь, если выскажу предположение, что сейчас снова работают над его восстановлением.

Итак, милостивый государь, во всех цивилизованных странах, как Вам очень хорошо известно, существуют законы, строго карающие преступника, который совращает малолетнего примером, наставлением или другими средствами; но разве преступление, выражающееся в погублении целых народов, держании их во тьме и втоптывании их в грязь, не является в тысячу раз более тяжким, более возмутительным и более наказуемым, чем преступление против одного ребенка? Или же преступление перестает быть таковым, когда оно из низших областей жизни поднимается в просвещенные сферы официальной деятельности? Или же по отношению к сильным мира сего не существует правосудия?

Гнев божий-конечно фикция, но народный гнев не является таковою. Над положительным правом, милостивый государь, стоит более высокое право истории, и последнее страшно мстит за попранное достоинство народов. А тогда говорят, что народ еще недостаточно созрел для свободы! Как будто бы при данной системе он когда-либо может созреть, как будто бы эта система не рассчитана как раз на то, чтобы не дать ему никогда созреть, и как будто бы существует другая система воспитания к свободе помимо самой свободы. И тем не менее, несмотря на эту систему затемнения, несмотря на все старания-и какие старания! и поддержанные какими страшными, сильными средствами! -несмотря ни на что, европейские народы за последние три года показали, что они хотят свободы, что они достойны свободы и даже что они умеют завоевывать свободу, когда им не предоставляют ее добровольно. Ядовитые испарения умирающего мира могут еще в течение некоторого времени заволакивать небосклон, но жгучее солнце свободы скоро разгонит эти тучи.

Мое замечание оказалось более длинным, чем я хотел. Теперь я возвращусь к Италии и Австрии.

Натура народов оказалась сильнее того яда, которым ее поили в течение 35 лет. Вопреки всем стараниям Австрии уничтожить Италию последняя сильна и здорова. Энергия и пыл, с которыми она поднялась в 1848 году, повергли в изумление даже ее врагов и превзошли все ожидания. С такою Италией Австрия никогда не справится, даже в том случае, если Франция и впредь будет по-прежнему держаться чудовищной политики своего русофильствующего президента, что представляется совершенною невозможностью. Серьезнейшие и важнейшие интересы Франции не позволяют ей допускать перевес австрийского могущества в Италии, и недолго еще будет все более проникающийся демократическими настроениями французский народ равнодушно взирать на страдания и угнетения прекрасной соседней страны. В скором времени-позволю себе сделать предсказание-Италия будет независима и свободна, а ломбардо-венецианское королевство составит часть свободной Италии назло всем австрийским и русским штыкам - я говорю "русским штыкам", так как не подлежит никакому сомнению, что Россия всемерно будет

поддерживать итальянскую политику Австрии. Ибо главное ее стремление сводится к тому, чтобы передвинуть центр тяжести австрийского могущества от Турции к Италии и Германии.

Нет поэтому никакой надежды на то, чтобы Италия когда-либо стала немецкою. Остаются мадьяры, галицийские поляки и остальные славяне, не говоря уже о валахах, которые в Австрии не имеют большого политического значения, т. е. в целом население примерно в 22-23 миллиона, столь же мало поддающихся онемечиванию.

Начну с Галиции, ибо эта провинция подобно Ломбардии принадлежит еще к тем, на которые ненасытный аппетит германских шовинистов притязает сравнительно мало. Но ведь подобные притязания были бы слишком смешны, так как за исключением императорских чиновников, кучки лавочников-по большей части евреев, говорящих по-немецки, но также и по-польски, в Галиции нет ни одной немецкой души. Как эта провинция стала австрийскою, известно; известно также, какие жестокие средства применялись австрийскою политикою для удержания своей власти над этою провинциею, и несколько зазорно признать эту политику немецкою. Правда и в самой Германии имелось достаточно добродушных людей, тайком радовавшихся "великому социальному разрыву", который резня 1846 года должна была вызвать между крестьянами и дворянами. Надеялись, что дворянство, напуганное этою кровавою демонстрациею, откажется наконец от своих стремлений к восстановлению единства Польши; с другой же стороны рассчитывали навеки привязать крестьян к австрийской монархии, а через нее и к Германии. В обоих отношениях глубоко ошиблись: дворяне и горожане Галиции а массе столь же страстно желают восстановления польской отчизны, как и прежде. Надо совсем не знать поляков, чтобы сомневаться в этом: нужно было бы перебить всех поляков, мужчин, женщин и детей, чтобы положить конец этим стремлениям, и если позорная, варварская демонстрация 1846 года [35] принесла кому-либо пользу, то не Германии и не Австрии, а одной только России. Галицийская аристократия, которая до тех пор была достаточно непатриотична для того, чтобы поддерживать добрые отношения с венским двором, сразу отвернулась от него и открыто начала заигрывать с петербургским двором. Уже в 1846 году появились польские брошюры, которые совершенно открыто говорили, что всякая надежда на восстановление свободной и независимой Польши с помощью Европы отныне должна быть признана нелепою, что немцы являются гораздо злейшими противниками польской национальности, чем даже русские, и что поэтому необходимо хотя бы на некоторое время отказаться от русофобства и всяких дальнейших планов и помышлять только о воссоединении польских провинций, доставшихся Австрии и Пруссии, с Царством Польским под владычеством России (Имеется в виду письмо маркиза А. Велепольского к гр. Меттерниху (см. комментарий 45 к настоящему документу)).

Известно также, какой неодинаковый прием оказан был в Кракове в 1846 году русским и австрийским войскам: русских встретили почти с радостью - явление, которое уже тогда вызвало некоторые неприятные трения между австрийским и русским офицерством. Мне не приходится говорить о том, что польская демократия сильно боролась с такою переменою настроений в пользу России, но что она была чрезвычайно желательна для русского кабинета, и насколько ему позволяла это его деспотическая природа, он старался использовать ее к своей выгоде: бежавшим тогда из Галиции в Царство Польское дворянам

было оказано всякое покровительство, - разумеется постольку, поскольку они не принимали участия в тогдашнем восстании; напротив тарновские крестьяне, посмеявшие перейти границу Царства Польского, были избиты плетью. Я уже старался объяснить, почему русское правительство не могло и не может последовать австрийскому приему: крестьянское восстание в Царстве Польском неизбежно вызвало бы такое же восстание в Литве и в России, а этого правительство правильно боится больше всего. Кроме того не так легко возбудить восстание крестьян против дворянства в Царстве Польском, где крестьяне, хотя еще и лишены собственности, но почти свободны, настроены гораздо более патриотично, чем в Галиции, живо помнят еще о революционных боях 1831 года, в которых принимали участие, и ненавидят русское господство, хотя бы из-за рекрутчины. Таким образом, делая из невозможности добродетель, Россия в 1846 году выступила перед лицом Австрии в качестве защитницы преимуществ и прав той части польских помещиков, которые оставались чужды политике, и попыталась использовать эгоизм галицийского дворянства в своих интересах. Впрочем не один только эгоизм, но и другие чувства и соображения нашли свое выражение в упомянутых выше брошюрах.

Если бы поляки действительно когда-либо пришли к убеждению, что им для восстановления своей отчизны нечего больше ожидать от справедливости, понимания и симпатии более свободных народов Европы, если бы им пришлось отказаться от мысли добиться своего освобождения от преобладающего русского могущества, то все, все они были бы тогда одушевлены единственным желанием: объединиться под скипетром России для того, чтобы обратить против Германии накопившуюся вековую жажду мщения.

Это - не мечта, милостивый государь, не пустое воображение, а действительная, угрожающая опасность, и я говорю об этом с такою уверенностью потому, что я имел случай лично ознакомиться с чувствами, настроениями и стремлениями поляков. Они конечно ненавидят русскую тиранию, они ненавидят русских как ее орудие и открыто выражают эти чувства, так что поляк повсюду известен как наследственный враг России. Но в глубине своего сердца они ненавидят своих немецких владык с еще большею силою, и немецкое иго для них еще более ненавистно: оно оскорбляет, возмущает их национальную гордость еще намного больше, чем русское.

Причина этого чрезвычайно проста: поляки - славяне. В русском они ненавидят просто орудие, а не его природу, так как их собственная природа при некоторых отличиях представляет известное родство с нею, несмотря на различие тенденций и неодинаковость образования, а также несмотря на все историко-политические антипатии. Русский говорит на очень сходном языке, почти на их собственном: они нередко понимают друг друга с полуслова, так как основная окраска, основной тон их житейских воззрений как в высших классах, так и в народе являются одними и теми же. Несходство и расхождение в религиозных понятиях, равно как и в области интеллигентской мысли наблюдаются часто, так как поляк более склонен к религиозной мечтательности и мистицизму и обладает большею силою воображения и фантазии, русский же практичнее; но в естественных порывах сердца и во всем том, в чем непосредственно проявляется сила природы, они почти неразличимы друг от друга. Русский и поляк друг друга уважают [36]. Совершенно иным является отношение поляка к немцу. Немец поляку глубоко чужд, его натура ему даже антипатична, все его существо, его образ жизни, его привычки, его неистощимое терпение,

равно как его самодовольство, его космополитический, направленный исключительно на заработок ум, а с другой стороны его безмерное, всепоглощающее трудолюбие, которое под покровительством немецких правительств захватывало все больше и больше почвы в польских областях, следовательно самые его достоинства представляются поляку или смешными или враждебными. Одним словом это - отношение добродетельного и педантичного, несколько сухого и сурового школьного учителя - ибо немцы в Великом Герцогстве Познанском (1848 год) показали свою суровость-к сангвиничному, нетерпеливому и несколько беспорядочному юнцу. Но если подумать, что в Великое Герцогство Познанское и в Галицию посылались не самые добродетельные и честные школьные учителя, и что немцы в этих провинциях по большей части были представлены самым космополитичным народом в мире, а именно онемеченными евреями [37] или, что еще гораздо хуже, чиновниками и чиновничьими семьями, то легко будет дополнить эту картину.

Поляк чувствует по отношению к своему немецкому властителю не только ненависть, но и, употребляя наиболее мягкое выражение, пренебрежение, и в этом чувстве поляк оказывается настоящим славянином. Этим я затрагиваю в высшей степени чувствительный и щекотливый пункт, уважаемый господин [защитник], и охотно обошел бы его молчанием, если бы только он не имел такого большого, серьезного политического значения, - а именно ненависть к немцам и презрение к ним, которыми одинаково проникнуты все славянские племена: русские, поляки, чехи, моравы, силезцы и словаки, все южные славяне не только в Австрии, но и в Турции. Эти чувства подобны могучему инстинкту, который ими всеми владеет и образует между ними нерасторжимую, хотя и чисто отрицательную связь. На этой антипатии славян к немцам зиждется весь план русского панславизма [38].

Должен ли я говорить Вам, что я со своей стороны в высшей степени не сочувствую этой антипатии, поскольку она направлена против всей немецкой нации, а не только против немецких притеснителей? Вы это знаете, а в следственных актах Вы найдете доказательства тому, что я рьяно против нее боролся. Не говоря уже о несправедливости такого чувства, мне не требовалось уроков, данных событиями последних двух лет, чтобы знать, что расовая ненависть между славянами и немцами может и должна была повлечь за собою самые печальные последствия для общего дела человечества и свободы, равно как для блага обеих рас. Но что могут сделать усилия одного человека, даже целого ряда отдельных лиц против столь могучего, вкоренившегося, исторически обоснованного чувства, охватившего массу 80 миллионов славян? Ибо эта ненависть к немцам не является внезапной вспышкой преходящего гнева и не свалилась с неба; она порождена историческими событиями, питалась бесконечным рядом оскорблений, несправедливостей, притеснений и жестоких страданий и в течение нескольких столетий созрела и превратилась в действительный факт, (Эта ненависть столь велика, что слово "немец", одинаково произносимое на всех славянских языках, считается у всех без исключения народов этого племени величайшим ругательством. Слабее всего эта антипатия выражена у русских, но и у этого народа, который является наиболее космополитичным из всех славян и имеет меньше всех их оснований ненавидеть немцев, она все-таки существует и, как я уже выше указывал, при случае поддерживается правительством, несмотря на то, что у него на службе состоит так много немцев-обстоятельство, немало способствующее поддержанию и упрочению этой немцефобии. Состоящие на русской службе немцы, без сомнения лучшие

царские слуги, всячески стараются скрыть свое немецкое происхождение и обычно разыгрывают самых пламенных русаков. Нет ничего смешнее, когда слышишь, как такой немецкий чиновник в России ругает немцев и на сквернейшем русском языке клянется "великим Союзом русским"-в известных случаях излюбленный оборот в официальных кругах. (Примечание автора.), который словами и писаниями может быть в известной [мере] [39] поколеблен, но разрушен может быть только историческими делами, уничтожен и прекращен может быть только актами справедливости и свободы. Ведь в конце концов немцы должны же признать, что как они ни гуманны по своим представлениям и по всему своему воспитанию, но до сих пор они во всех своих отношениях к другим народам выступали в качестве величайших притеснителей: в Италии, против поляков, против остальных славян. Повсюду, куда они приходили, они приносили с собою рабство. Конечно они действовали просто в качестве орудия своих правительств; но ведь такое же оправдание может привести и русский, так как и он также был и до сих пор остается не чем иным как орудием своей деспотической человеконенавистнической власти. И наконец у русских еще не было Франкфуртского парламента, который по собственному побуждению декретировал противное договорам и оскорбительное для национального чувства включение Великого Герцогства Познанского [в состав Германии] [40] и радостно приветствовал победы Радецкого над населением Ломбардии, борющимся за свою свободу, не говоря уже об австрийских славянах, которых он признавал естественными слугами имеющей еще быть им созданной немецкой нации. Правда, эта вопиющая несправедливость первого немецкого парламента была вполне перевешена благодарственным адресом, посланным немецким консервативным, кажется даже аристократическим, берлинским обществом бану Елачичу в то самое время, когда тот в пражской "Славянской Липе" писал, что "он со своими кроатами пошел на Вену и принял участие в бомбардировке и штурме этого города не потому, что там происходило революционное брожение, а только потому, что он был местопребыванием немецкой партии" (Это письмо было в то время широко известно и упоминалось в большинстве газет.)

В Германии только демократы признавали свободу остальных народов условием своей собственной свободы, и поскольку это от них зависело, способствовали ей, и им одним, как я думаю, суждено окончательно победить злосчастную, но не совсем безосновательную ненависть славян к немецкой нации. Последние события, показавшие славянам, что они от падения немецкой Вены и поражения мадьяр в Венгрии, которому они сами содействовали, не только ничего не выиграли, но напротив ускорили гибель их собственной молодой свободы, а с другой стороны уяснившие немцам, что включение Великого Герцогства Познанского [в состав Германии] и кровавое подавление освободившейся Ломбардии были не чем иным как первыми шагами к возвращению всей немецкой нации под иго старой неволи, - эти события, говорю я, вероятно не пройдут совершенно бесследно для обеих рас. А теперь я снова возвращусь к полякам.

Эта антипатия ко всему немецкому присуща полякам в такой же мере, как и остальным славянам. Среди народных масс, не исключая и галицийских крестьян, она настолько преобладает и выступает настолько открыто, что нужно сознательно закрывать глаза, чтобы ее не замечать. Попробуйте сказать галицийскому крестьянину, что он - немец; его энергичный ответ покажет вам, как оскорбительно для него такое наименование. Напротив у образованных классов это чувство обыкновенно отодвигается в глубину сердца влиянием

искусственного образования и живет там, будучи часто даже неосознанным, но редко совершенно подавленным. Пока поляки надеялись, что им удастся отвоевать свою свободу от России с помощью Германии, они старались подавлять в себе эту врожденную антипатию. Теперь же они начинают замечать, что немецкое владычество гораздо более опасно для их национальности, чем даже русское. Русские по крайней мере не денационализируют Польшу, напротив, так как они сами обладают меньшим образованием, то, приходя в соприкосновение с поляками, они многое перенимают у них, и все старания петербургского правительства ввести русский язык в Царстве Польском обычно приводили лишь к тому, что русские чиновники сами научались польскому языку и через несколько лет пребывания там в конце концов предпочитали говорить по-польски. Таким образом о русификации Польши не приходится и думать. Напротив германизация ее представляется гораздо большею опасностью по той причине, что орудиями ее являются не только правительственные мероприятия, но и могучее действие сильно распространившейся во все стороны культуры и прежде всего неутомимое, всепоглощающее немецкое трудолюбие и немецкая промышленность. Поляк же охотнее перенесет самые жестокие мучения, чем даст себя онемечить: мысль о превращении в немца для него столь невыносима, что он для избежания этой опасности тысячу раз предпочтет броситься в объятия России.

Немцу нелегко будет понять возможность такого акта отчаяния. У немца много разума, но мало страсти; он никак не может понять страстности славянской природы. Немец, собственно говоря, - космополит, что для ближайшего будущего может оказаться большим достоинством, но для настоящего времени это качество является источником слабости, так как оно отнимает у немецкого народа одно из сильнейших побуждений к концентрации. Только свобода, только новое, так сказать религиозное, одушевление общечеловеческим правом в противовес внутреннему и внешнему, особенно же русскому деспотизму, только могучие моральные и духовные интересы демократии в состоянии объединить немецкий народ и дать ему политическое единство; но этого не может сделать его национальное чувство, которое слишком слабо и едва существует. За последнее время немец много мудрствовал о своей национальности, но мало ее ощущал; до сих пор он чувствовал себя как дома повсюду, где ему хорошо жилось, даже там, где он испытывал в остальных отношениях невыносимый гнет, если только он мог честным путем зарабатывать свой трудовой хлеб: не только в Америке, но и в России. Немецкие колонии существуют в южной России, даже в Сибири, даже в Испании, в Греции; весь мир покрыт теперь немецкими колониями, не ставши от этого немецким, так как немецкий народ наряду с почти безграничной способностью к экспансии не обладает почти никакою способностью к концентрации. Как уже сказано, это-в одно и то же время достоинство и слабость: достоинство для будущего, вероятный демократический дух которого явно ведет нас к полному слиянию всех национальных противоречий в чистой среде общечеловеческого, а в ближайшее время европейского общества; и слабость для настоящего времени, когда движущая и связующая сила узкого патриотизма пока еще не заменена в достаточной мере никакою другою.

Почти во всех отношениях, особенно же в этом пункте славянин есть антипод немца. Для него национальное чувство стоит превыше всего, даже выше свободы; а за любовь к своей собственной отчизне следует у него расовое чувство: независимость и могущество всего славянского мира пред лицом чужих, особенно же немецких притязаний и захватов. Трудно

представить себе, с какою упорною страстью славянин держится за эти чувства; для них он готов пожертвовать всем, для них он в случае нужды способен ринуться под власть самой жестокой тирании, если только она не будет носить немецкого имени. Они составляют его религию, его суеверие, ибо славянин в отличие от немца весь состоит из чувства и инстинкта. Мышление приходит к нему лишь после ощущения, а часто в своей чистой форме и вовсе не приходит; славянин почти не знает, что значит размышлять: его поступки, хорошие или дурные, почти всегда вытекают из цельности его природы. Что эта натура столь же мало совершенна, как и натура немца, понятно само собою, и я отнюдь не намерен возвеличивать ее за счет последней. Славянин обладает всеми недостатками и достоинствами, каких нет у немца; и то, что он с такими задатками легко может, если только заранее не примет предохранительных мер, сделаться орудием гнетущего деспотизма, русским кнутом против Европы и против себя самого, должно было бы быть ясным всякому, даже если бы события последних двух лет не оправдали в столь грустной форме этих опасений. Таким образом я вовсе не намерен пускаться здесь в апологию славян; я просто констатирую здесь резкое различие между немецкою и славянскою натурами как в высшей степени важный и бесспорный факт, который должен служить основой для моих дальнейших рассуждений.

Из всех славян одни только поляки за последние два года боролись в рядах защитников свободы. Позже я постараюсь выяснить, что парализовало свободолюбивые стремления остальных славянских народов, а часть этих народов бросило даже под стяг абсолютизма. Здесь я хочу только заметить, что поляки в отношении освободительного движения поставлены по-видимому в более благоприятное положение, чем остальные славяне, ибо в то время, как продвижение революции в Европе угрожает или точнее якобы угрожает совершенно уничтожить национальную самостоятельность этих последних, восстановление польской независимости-по крайней мере так надеется и думает еще подавляющее большинство поляков - обеспечивается успехами революции. "Немцы, - говорят другие славяне, т. е. чехи, моравы, силезцы, словаки, южные славяне, - немцы, - говорят они, - станут нас угнетать тем сильнее, чем более свободными они сами будут становиться; их свобода будет нашим рабством, их жизнь-нашею смертью; они захотят насильно нас онемечить, а это для нас более невыносимо, чем самое отвратительное рабство, и даже хуже смерти". "Немцы, - говорят напротив поляки, - волей-неволей будут принуждены даровать нам свободу для того, чтобы в качестве живой стены выставить нас против русского засилья: их собственная безопасность заставит их даровать нам свободу"-Этим самым, очень хорошо обоснованным аргументом могли бы в конце концов утешиться и остальные славяне; но их положение более запутано и не так легко поддается пониманию, как положение поляков: число тех немцев, которые могут представить себе Германию без Польши, которые даже считают освобождение Польши абсолютным условием германской свободы и сочувствуют полякам, чрезвычайно велико; напротив число тех, которые могут представить себе Германию без двух третей Богемии и Моравии, чрезвычайно ничтожно. Этим славян слишком уже привыкли считать принадлежностью Германии, а к этому присоединяется еще теория округления: говорят, что Богемия врезается клином в сердце Германии, и при этом не помышляют о том, что опасность станет гораздо более серьезною, если этот клин превратится в русский клин.

Отсюда ясно, почему каждый поляк является сторонником революции, и почему даже такие люди среди поляков, которые по своему происхождению, богатству, воспитанию и привычкам кажутся предназначенными к тому, чтобы быть самыми консервативными среди консерваторов, да и выступали бы в качестве таковых, если бы родились в другой стране или в независимой Польше, теперь выступают в качестве крайних вольнодумцев и даже относятся благожелательно к тенденциям демократии. От революции, от демократии они ждут освобождения своего отечества из-под иноземного ига, а лучшие и них настолько любят свою отчизну, что действительно готовы пожертвовать ради ее возрождения своими личными привилегиями и даже своими предрассудками. Я далек от желания утверждать, что все польские демократы являются демократами только потому, что видят в демократии средство к восстановлению Польши; я говорю только об известной части их и очень хорошо знаю, что главная масса польской эмиграции и молодежи в самой стране искренно и, так сказать, со своего рода религиозным воодушевлением склоняется к демократическим взглядам. Жуткая история Польши со времени ее первого раздел до нашей эпохи была весьма суровою но вместе с тем весьма поучительною школою законченного демократического воспитания, какой конечно не прошел ни один народ на земле. Очищенная своими вековыми страданиями как бы огнем, Польша с неутомимою выдержкою, с беспримерным и непоколебимым героизмом боролась против своей трагической судьбы, ни разу не отчаялась в своей будущности и этим завоевала себе великие права на эту будущность. Это - бесспорно самая свободомыслящая, одаренная в максимальной степени электрическою движущею силою славянская страна, и в качестве таковой она призвана играть крупную роль среди славян, вероятно даже возглавить их борьбу - не против России, а против русского деспотизма, рука-об-руку с русским народом.

И несмотря на все это попробуйте взять сто самых свободомыслящих поляков и задать им следующий вопрос: предполагая, что Германия никогда не признает Польшу независимую страну, что бы они предпочли: сделаться немцами и в качестве таковых пользоваться свободными демократическими учреждениями, разумеется при условии, что с этого момента они отказываются от всякого польского обособления и признают себя нераздельною составною частью германского отечества вроде Эльзаса во Франции, или же подпасть под суровое русское иго? По меньшей мере девяносто из ста, а вероятно и все сто, не задумываясь ответят, что они предпочитают русское владычество, как бы жестоко оно ни было. Ибо самый решительный польский демократ все-таки остается всегда поляком, а в качестве поляка - славянином, ни один же славянин никогда не решится сделаться немцем. В качестве русского подданного он остается по крайней мере славянином, а так как все русское государство представляет чисто механическую машину, которая вследствие постоянно и неизбежно возрастающей нагрузки рано или поздно должна разлететься на куски, он вместе с тем сохраняет надежду на то, что со временем станет свободным поляком - надежда, которая путем воссоединения всех польских провинций под единым, на первое время хотя бы под жестоким русским владычеством, бесконечно много выигрывает в смысле перспектив и обоснованности.. Тогда Польша стала бы единым целым, а русское правительство, которое уже не в состоянии подавить непрекращающееся брожение умов и мятежные традиции даже в нынешнем небольшом Царстве Польском, в еще меньшей степени сумеет помешать могучему и в своих действиях неподдающемуся учету подъему польского духа, который явится неизбежным результатом объединения растерзанных членов этой неумирающей страны [41].

Но мне могут возразить, что эгоизм, личные интересы польского дворянства наверное не позволят ему променять гуманное прусское господство на жестокое русское. Эгоизм? Я вовсе не собираюсь игнорировать его влияние в людских делах; но с другой стороны со мною согласятся, что существуют могучие страсти, которые по временам охватывают целые народы, способны даже заставить их подняться выше своих временных интересов, и что любовь поляков к своей несчастной отчизне, их горячий порыв, их неутомимое стремление к ее восстановлению составляют именно такую страсть. И если бы в истории не существовало никакого другого примера, то Польша служила бы доказательством этой истины, - доказательством, которое длится вот уже целое столетие и с каждым годом не только не ослабевает, но напротив приобретает все больше энергии и величия; я имею в виду эту непрерывно растущую массу польской эмиграции, по большей части землевладельцев, т. е. поставивших и до сих пор еще продолжающих ставить на карту не только свою жизнь, но и то, что в наш век ценится дороже жизни, а именно свое имущество; это множество жертв, населяющих австрийские, русские и прусские тюрьмы, равно как и Сибирь, и украшающих собою русские и австрийские виселицы. Но к чему перечислять дальше?! Кто не знает, что Польша ежегодно поставляет богатую жатву мучеников, дабы этим самым как бы возвестить миру, что она далеко еще не сдалась?

Но и с точки зрения его личных интересов эта замена принесет польскому дворянству лишь самые ничтожные убытки, а галицийскому дворянству прямо-таки никаких. "У кого есть деньги, тому везде хорошо", - говорит старая и очень правильная пословица; поэтому галицийские аристократы и плутократы наверное будут так же хорошо чувствовать себя под властью самодержца всероссийского, как и под австрийским владычеством. Ведь с конституцией, обещанною в 1848 году Галиции наряду с остальными странами Австрии, дело наверное будет обстоять не очень то блестяще, да в конце концов зачем этим господам конституция? Конституция их редко устраивает, так как у них в распоряжении имеются совершенно иные средства для удовлетворения своих личных интересов. Напротив под властью России они могут обрести успокоение в весьма важном для них вопросе, а именно под защитой русского правительства, покуда у него еще останется сила, они будут обеспечены от тарновских сюрпризов и коммунистической пропаганды австрийских чиновников. Что же касается патриотической части галицийского дворянства, то и она ничего не потеряет: как уже сказано, австрийская конституция, если таковая и будет существовать, не может быть не чем иным как обманчивым миражом, лжеконституциею. Австрия в своем нынешнем состоянии не может при наилучших намерениях предоставить своим народам какие-либо серьезные права, и эта конституция ни в коем случае не будет благоприятствовать восстановлению Польши, единственной цели всех польских патриотов. И я не вижу, чем немецкие и австрийские бомбардировки, осадные положения, экзекуции, военно-полевая юстиция, обыкновенные и чрезвычайные уголовные суды, тюрьмы и виселицы гуманнее русских. Совершенно иначе обстоит дело в Великом Герцогстве Познанском. Там управление бесспорно в тысячу раз гуманнее и либеральнее, чем в Царстве Польском. Эта провинция не отрезана от Европы; помещики, образованное сословие пользуются там всеми преимуществами и удобствами цивилизации европейских стран, а этим сказано немало. Но как раз в этой провинции ненависть к немцам сильнее, чем где бы то ни было, потому что опасность онемечения здесь больше, чем в другом месте. За последние два года эта ненависть настолько усилилась, что немец, не живущий в самом Великом Герцогстве, едва ли может составить себе о ней представление. Дворянство и

народ в этом чувстве вполне солидарны. Апрельские и майские события 1848 года [42], неслыханная грубость немецкого и еврейского населения, франкфуртский декрет об инкорпорации [43] оставили в сердцах познанских поляков непримиримое раздражение, которое рано или поздно прорвется либо при помощи германской революции, либо при помощи России. Я сам, уважаемый господин [защитник], вскоре после этих событий, после бомбардировки Кракова, Праги и Лемберга, которая, как Вы знаете, вскоре последовала одна за другою и вместе с тем послужила прелюдиею к бомбардировке Вены [44], я сам имел часто случай спорить с разными поляками из Познани и Галиции, с большою горячностью утверждавшими, что у них не остается никакого другого выхода кроме ожидания и даже призыва русской помощи и перехода под власть России; и смею Вас уверить, что если бы в то время русской политике заблагорассудилось выкинуть панславистское знамя, то не только немецко-польские провинции, но наверное и подавляющее большинство австрийских славян с расовым бешенством обрушились бы на живущих среди них немцев.

Я не говорю, что все поляки держались того же мнения. Конечно в обеих провинциях было много польских демократов, которым это лекарство казалось наводящим на размышления и даже более опасным, чем сама болезнь, но они оказывались всегда в меньшинстве, и как раз те, кто самым решительным образом выступал против этого и на мой взгляд чрезвычайно пагубного течения, часто в горьких, почти отчаянных выражениях жаловались передо мною на то, что немецфобия и руссомания сделались настолько преобладающим настроением в Великом Герцогстве Познанском, особенно среди народа собственно, среди крестьян, что прихода одного русского полка с дозволением бить немцев и евреев было бы достаточно, чтобы превратить всю прусскую Польшу в русскую Польшу [45].

Совсем иным было тогда положение, а значит и настроение народа в Галиции. Народ только в 1848 году добился окончательного освобождения от барщины и других обязательных работ и денежных повинностей в пользу помещиков, ему ни в какой мере не угрожало насильственное онемечение, а потому у него не было никакой причины быть недовольным. Известно, как австрийское правительство сумело обработать галицийского мужика: землевладельческое дворянство имело на него феодальные и, должно признаться, чрезвычайно обременительные для крестьянина права, очень похожие на те, которые ныне существуют еще в России; оно жило потом бедных крепостных и таким образом держало их в вечной нищете. Такое отношение, что бы ни говорили в его защиту поклонники старого, золотого, патриархального уклада, было противоестественно, в высшей степени несправедливо, для обоих классов губительно и не могло служить источником любви и взаимного доверия между обращенным в вьючный скот народом и его праздными господами. Это чувствовала также просвещенная часть галицийского дворянства, которая постепенно привлекла к своим более правильным взглядам большинство помещиков. С 1831 г. не проходило почти ни одного года, чтобы галицийское дворянство во всеподданнейшей петиции не просило разрешения изменить это положение и освободить народ от его тягот: без высочайшего соизволения монарха в этом самодержавном государстве такой реформы нельзя была осуществить; это было бы государственною изменою. Известно, что этого дозволения никогда дано, не было. Австрийское правительство имело свои особые виды; оно хотело не смягчить, а усугубить ненависть мужика к дворянству, - с какою целью, мне не приходится разъяснять: она слишком ясна, и нужно признать, что австрийское

правительство шло к своей цели чрезвычайно умело и добилось ее. В то время как поневоле угнетательское дворянство принуждено было обременять бедный народ работою, в то время как оно отвечало перед правительством за уплату крестьянами налогов и поставку рекрутов своим имуществом и своей личностью, благодаря чему, как это само собою разумеется, оно становилось для народа еще ненавистнее, правительство учредило особых чиновников для охраны прав народа от дворянства именем императора (*Лет 12 тому назад в России захотели ввести аналогичный институт: был учрежден особый вид сельской полиции для посредничества между крестьянами и помещиками. Но так как отношения в России резко отличались от галицийских, и этот институт дал прямо противоположные результаты. Он только усилил ненависть народа к правительству, и русский мужик ничего так не боится, как этого варварского и дорогостоящего посредничества. (Примечание М. Бакунина.)*

Для бедного, темного, вдобавок обработанного иезуитами мужика все угнетение шло от дворянства, а освобождение и надежда - от императора. Такое фальшивое и натянутое положение неизбежно должно было доводить лучших и либеральнейших помещиков до самых возмутительных поступков, а что среди них имелись и такие, которые угнетали народ в силу дурной привычки и эгоистических намерений, это было в природе вещей, ибо ничто не портит так человека, как предоставленная ему возможность поработать другого человека. Но, как мы видим, главное зло заключалось в упорно проводимой политике венского кабинета, который в 1846 году не преминул пожать плоды своей жатвы. Отставной солдат Шеля, чудовищный вожак тарновской резни, которая своею каннибальскою жестокостью приводит на память самые мрачные и позорные дни человеческой истории и даже оставляет за собою столь охаянные сентябрьские дни Дантона, Шеля получил тогда в награду за доблесть и верность медаль и пожизненную пенсию от австрийского правительства, этим отличием признавшего себя вдохновителем галицийских зверств перед всем миром [46]. Дело, которому нет имени и которое так долго готовилось этим правительством, совершилось. В смущении от испуга и нечистой совести, в которое австрийское правительство ввергнуто было краковским восстанием и, надо правду сказать, очень плохо проведенною подготовкою к восстанию в Галиции, оно выпустило свою последнюю и вместе с тем самую опасную мину, - самую опасную не столько для тех, в кого эта мина была пущена, сколько для того, кто ее пустил; ибо для того, чтобы расшевелить крестьян, австрийские чиновники не останавливались ни перед какими посулами; не только освобождение от всякой барщины, но и раздел помещичьих имений были от имени императора обещаны всем тем, кто примет участие в избиении дворянства. Но как можно было сдержать эти обещания, раз не считали даже целесообразным отменять барщину? Уже в 1848 году усердие обманутого народа в отношении императора и его чиновников заметно убавилось, когда новая буря заставила наконец на этот раз еще более испугавшееся правительство весною этого рокового года провозгласить отмену всех принудительных работ и других повинностей. В этом году галицийский крестьянин сделался свободным, совершенно независимым землевладельцем, но вместе с тем резко изменилось его отношение к дворянству и к императорским чиновникам. Дворянство сохранило только право и средства делать ему добро, и в большинстве случаев оно этого хочет. Вся полицейская служба, собиравшие податей и особенно ставший за последние два года столь обременительным рекрутский набор остались теперь в ведении одних чиновников; всякий гнет исходит от них, т. е. от императора, коего представителями они являются, и уже не дворянство, а император представляется отныне естественным врагом народа. Уже в конце

1848 года стало заметно сближение народа с дворянством и растущее недоверие его к чиновникам; пройдет еще несколько лет, и придется признать, что тарновский эксперимент не принес никакой пользы, а только вред и срам австрийскому правительству. Для всякой монархии, особенно же для такой, как Австрия, опасно играть с демократическим оружием, оно легко ранит неопытную руку, а ранение его смертельно.

Но чтобы вернуться к своему предмету, я должен здесь заметить, что половина жителей Галиции, русины, по языку и обычаям весьма родственны живущим в России малороссам, принадлежат в большинстве к греко-униатскому, но в значительной степени также к греко-православному вероисповеданию, что их духовенство в течение многих лет с крайним упорством и выдержкою - с упорством и выдержкою, вообще присущими русской политике, - обрабатывается русскими духовными эмиссарами, попами и монахами, и что среди этого духовенства даже существует уже весьма сильная русская партия. Все это-неопровержимые факты, с очевидностью доказывающие (если это еще нуждается в доказательстве), что Россия имеет виды на Галицию. А теперь я оставлю Галицию с тем по-моему достаточно обоснованным предсказанием, что если австрийская и прусская части Польши не получат в скором времени своей свободы от немецких мероприятий, если им перед лицом России не будут развязаны руки для борьбы за восстановление Польши в полном объеме. то в скором времени они обе подпадут русскому владычеству и в русских руках превратятся в весьма опасное орудие против Германии. Что от этого выиграет Германия, о том я предоставляю подумать самим немцам.

Та же опасность, хотя и не столь непосредственно, угрожает немецкой нации со стороны остальных славян. Они будут либо независимыми и свободными, либо русскими. В первом случае они будут выступать против русского деспотизма в союзе с примиренною дружественною Германиею; а во втором случае они будут самыми непримиримыми врагами Германии. Что это не произвольно придуманная, а действительная, на бесспорных фактах основанная дилемма, я попытаюсь теперь доказать.

(На этом рукопись обрывается).

Но 542.-В комментарии к Но 541 мы говорили о той подробной защитительной записке, которую Бакунин готовил для своего адвоката Ф. Отто, с своей стороны составлявшего записку в саксонский апелляционный суд, которому предстояло рассмотреть дело Бакунина и его сотоварищей по дрезденскому восстанию. Не написанная к сроку (октябрь-ноябрь 1849 года), записка не могла попасть в суд первой инстанции, но продолжала видимо писаться для суда второй инстанции, куда осужденные обжаловали приговор. Когда именно Бакунин начал ткать эту записку, трудно установить с полной точностью (вряд ли это могло иметь место раньше конца ноября 1849 года), но во всяком случае она продолжала писаться в феврале - марте 1850 года. Так как адвокат, нуждавшийся для составления своей второй записки в фактических сообщениях Бакунина, торопил своего подзащитного, то последний, отложив в середине марта в сторону растянувшуюся защитительную записку, набросал для Ф. Отто ту короткую записку от 17 марта, которая напечатана у нас под Но 541). Судя по письму к А. Рейхелю от 7 апреля 1850 года (см. Но 543), Бакунин продолжал писать свою большую записку и в апреле, но она все-таки осталась незаконченною. Была ли рукопись ее у Бакунина отобраана крепостным начальством или же она стала ненужною вследствие

окончания следствия, неизвестно, но, как сообщает Чейхан (цит. соч., стр. 99-100), в июне 1850 года защитительная записка Бакунина через посредство австрийского посла графа Куфштейна была саксонским военным министерством на время передана австрийской военно-судной комиссии, расследовавшей дело в Праге, с тем чтобы с нее была снята копия. Но австрийская следственная комиссия не озаботилась снятием этой копии, а просто приложила оригинал к протоколам по делу Бакунина, связанному с заговором в Чехии. Позже эти протоколы были сданы на хранение военному министерству в Вене (В Вене эти протоколы были временно предоставлены в распоряжение проф. Грюнберга, но он не мог узнать из них о существовании защитительной записки.)

Там записка в течение многих лет оставалась погребенною и недоступною исследователям. Не знали даже о ее существовании. Правда, в "Исповеди" имеется фраза, которая могла бы навести на мысль о наличии такого документа. А именно на стр. 87-88 первого издания сказано: "я мало знаю Россию, и что знал об ней, высказал в своих немногочисленных статьях и брошюрах, а также и в защитительном письме, написанном мною в крепости Кенигштейн". Однако внимание читателей "Исповеди" на этом не останавливалось. А когда была найдена в 1920 году опубликованная мною в первом издании тома I моей книги о Бакунине краткая защитительная записка, т. е. письмо Бакунина к Ф. Отто от 17 марта 1850 г., то это письмо и было принято за ту защитительную записку, о которой Бакунин говорит в приведенном месте "Исповеди", а данное им в этом письме обещание доставить адвокату продолжение записки было признано неисполненным.

Записка Бакунина пролежала в австрийском архиве до распада монархии Габсбургов в результате мировой войны. После того дело Бакунина в числе других документов, до Чехия относящихся, было передано новому государству Чехо-Словакии и ныне находится в архиве военного министерства в Праге. Отсюда и извлек ее молодой чешский историк Вацлав Чейхан, опубликовавший ее в приложении к своей книге "Бакунин в Чехии", вышедшей в 1928 году в Праге. (Dr. Vaclav Cejchan - "Bakunin v Cechach", стр. 95-189). Из этой именно книги, а вовсе не с оригинала и заимствовал ее В. Полонский, напечатавший ее русский перевод, далеко не свободный от пропусков и ошибок, в NoNo 6 и 7 "Каторги и Ссылки" за 1928 год. Мы сделали новый перевод с немецкого текста, напечатанного в книге Чейхана.

Оригинал этой записки на немецком языке (латинскими буквами) существует в двух видах: 1) в виде тетрадки, содержащей предварительные наброски записки, и 2) в виде начисто переписанного Бакуниным экземпляра, занимающего 26 страниц большого формата. Чейхан опубликовал полностью чистовик записки, который мы и даем здесь в переводе. Что же касается черновика, то он отличается от чистовика лишь в стилистическом отношении; в случае более серьезных различий Чейхан в примечаниях приводит и текст черновика. Наиболее существенные из этих разночтений приведены и у нас.

Кстати озаглавлена записка "Meine Verteidigung. An Herrn Advokat Franz Otto", т. е. "Моя защита. Господину адвокату Францу Отто", как и переведено у нас. Заглавие Политическая исповедь" придумано произвольно В. Полонским.

Эта записка Бакунина, равно как и короткое письмо его к Ф. Отто, важны как существенное дополнение и корректив к "Исповеди", написанной для Николая I в Петропавловской

крепости. В основном и главным все эти документы совпадают, что придает значительную степень достоверности сообщаемым в них фактам. Но между ними имеется и немаловажное различие. Во-первых в последнем из них, именно в "Исповеди", слышится некоторая нотка усталости и разочарования, тогда как в первых замечается больше бодрости, свежести и веры в близкое возобновление революционного движения. Конечно в разочаровании, выражаемом "Исповедью", много деланного, притворного: как известно, Бакунин обманывал николаевских жандармов в расчете, что таким путем ему удастся скорее вырваться на свободу и снова приняться за революционную работу. Но вместе с тем приходится допустить, что с одной стороны долговременное мыкание по тюрьмам австрийским, саксонским и российским не осталось без известного влияния на настроение Бакунина, а с другой-и это главное-нарастание реакции и убывание шансов на скорое возобновление революции к моменту писания "Исповеди" выяснились гораздо сильнее, а это, разумеется, не смогло не оказать своего действия на самочувствие узника. Во-вторых разница между документами той и другой группы заключается в том, что в первых двух Бакунин обращается к европейской публике, преимущественно демократической, а в третьем - к русскому царю, вследствие чего в них выпячены различные по существу моменты. Обращаясь через головы своих немецких судей и адвоката к европейской демократии, Бакунин в письмах к Ф. Отто старается выяснять перед нею свои заветные политические стремления и рассеять существовавшие в некоторых ее кругах на его счет предубеждения. Вот почему Бакунин в этих документах усиленно затушевывает свой панславизм и наоборот подчеркивает свою ненависть к царизму, свои симпатии к полякам и европейской демократии вообще, " в частности и в особенности свое сочувствие борьбе немецких демократов за освобождение и объединение Германии. Напротив в "Исповеди" Бакунин, приспособляясь к господствовавшей в русских дворянских и официальных кругах идеологии, выпячивает свою антипатию к немцам, свой русский патриотизм и славянские чувства, договариваясь до разглагольствований о "гнилости Запада", т. е. до взглядов, которых он вообще вовсе не разделял. Не следует впрочем забывать, что все эти документы одинаково, хотя и в различной степени, писались из-под палки, сиречь в тюремных камерах, потому в них надлежит внести поправки сообразно этой обстановке их составления.

1 Следствие против Бакунина велось уголовным отделением Дрезденского городского суда. Показания его перед саксонской следственной комиссией, оригинал которых находится в деле о Бакунине, хранящемся в Государственном дрезденском архиве, опубликованы частично в русском переводе В. Полонским в № 7 54 "Пролетарской Революции" за 1926 год (стр. 166-226). Здесь напечатаны протоколы допросов с 3 августа 184 по 28 февраля 1850 года. Замечательно, что ряд вопросов предлагало Бакунину немецким судом по просьбе российского посольства, причем немецкие чиновники ничуть не постеснялись увековечить это свидетельство своего холопства в следственных протоколах. Другая часть допросов Бакунина, связанная с дрезденским восстанием, опубликована тем же лицом" в № 27 "Красного архива" (стр. 162-188). Здесь мы имеем протокол" допросов от 14 мая по 20 октября 1849 года. Все эти допросы перепечатаны во втором томе "Материалов для биографии Бакунина", стр. 112-184..

2 Бакунин повидимому имеет здесь в виду свою встречу с попом Алимпием Милорадовым на пражском славянском съезде (см. ниже в "Исповеди").

3 По сообщению В. Бурцева в "За сто лет" такой случай произошел с молодым духовником Лямсом, посаженным за оскорбление Серафима в духовную тюрьму. На самом же деле у Бакунина речь идет не о молодом духовнике, прибывшем из Саратовской губернии, а о сорокалетнем крестьянине Улеборгской губернии Петре Лямсе, беспоповце, фанатике, служившем работником у извозчиков, ударившем Серафима в его доме во время официального приема 11 августа 1839 года. По приказу Николая I Лямс, очень смело державшийся на допросах, был административно посажен, но не в духовную тюрьму, а в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и умер в 40-х годах. Замечательно, что Бурцев ссылается на тот самый источник, из которого мы и заимствовали эти сведения, но в который он видимо не заглянул: мы имеем в виду заметку М. М. "Петр Лямс" в "Русской Старине" 1875, сентябрь, стр. 204-209.

Серафим, в мире Степан Васильевич Глаголевский (1757- 1843) - митрополит Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский; с 1813 член синода; с 1821 получил новгородскую и петербургскую епархии, которыми правил в течение 24 лет. Вместе с Аракчеевым, архимандритом Фотием и т. п. возглавлял реакционную партию; вел борьбу с мистиками, масонами, либералами и пр., способствовал закрытию Библейского общества; во время восстания 14 декабря 1825 года выходил крестом увещевать инсургентов, а затем во время суда над декабристами настаивал на применении к ним смертной казни.

4 Вся предыдущая характеристика внутреннего состояния николаевской России совпадает иногда буквально с тем, что говорится по этому же поводу в бакунинской брошюре "Русские дела", напечатанной в третьем томе настоящего издания.

5 Иринарх, в миру Яков Дмитриевич Попов (1790-1877)-русский церковный деятель; кончил Петербургскую духовную академию; с 1817 г. пострижен в монашество; 15 сентября 1836 г. назначен епископом в Ригу, где пытался обратить эстов и латышей в православие. Пробыл на этом посту до конца 1847 года, когда был переведен в Острогжскую епархию (Воронежской губернии); позже был епископом вологодским и кишиневским В 1845 г. возведен в сан архиепископа; в 1866-67 был рязанским архиепископом. Известен как проповедник.

6 "Journal des Debats" - старая французская газета, основанная 29 августа 1789 Бодуэном, типографом Национального Собрания, для печатания отчетов о его заседаниях. С 1799 превратилась в настоящую политическую газету. В 1805 захвачена Наполеоном I, который отдал ее в руки своих полициантов и сам в ней сотрудничал. Во время первой Реставрации ее владельцы Бертэны вернули газету себе, но во время Ста дней она снова попала в руки бонапартистов, а в период второй Реставрации снова стала на сторону Бурбонов. Умеренно-либеральная с сильным консервативным оттенком, газета выражала настроения крупной цензовой буржуазии и во время Июльской монархии защищала правительственную политику. Во время февральской революции 1848 года поддерживала генерала Кавеньяка, душителя парижского пролетариата; во время Второй Империи оказывала бонапартовскому правительству слабую оппозицию, а после сентябрьской революции 1870 года примкнула к консервативной республике, защищающей интересы крупных собственников. Продолжает существовать и теперь в виде мало-распространенной вечерней газеты, утратившей былое влияние и вытесняемой реакционно-бульварною прессою демагогического пошиба.

"Allgemeine Zeitung" ("Всеобщая Газета") - немецкая политическая газета умеренно-либерального направления, основанная в 1789 году в Штутгарте И. Коттою. Запрещенная вюртембергским правительством, она в 1803 перекочевала в Ульм, в 1810 в Аугсбург, где оставалась до 1882 года (отсюда ее название "Вс. Аугсбургская Г."), - это была эпоха ее расцвета, - а с этого года перенесена в Мюнхен. Переменив много издателей, она с 1912 до 1914 года выходила в Берлине только один раз в месяц. В свое время в ней сотрудничали выдающиеся немецкие литераторы. в том числе Г. Гейне, Берне, Гуцков и др.

7 Титул, который носил до смерти дофина ("Людовика XVII") будущий французский король Людовик XVIII, восстановленный на престоле союзными монархами в 1815 году.

8 Вторая коалиция против французской республики составила в 1799 году В нее вошла Англия. Россия Турция, Австрия и Неаполь. Она была разрушена победою Наполеона I при Маренго, за которую последовали в 1801 и 1802 Люневильский и Амьенский трактаты.

9 "Битвою трех императоров" (австрийского, русского и французского) прозвали французские солдаты сражение 2 декабря 1805 под Аустерлицем. где Наполеон I на голову разбил соединенные армии австрийцев и русских. "Лотарингец" означает здесь австрийского Императора Франца II, ввиду того что габсбургский дом, владевший Австро-Венгрией, был в последнее время габсбурго-лотарингским, каковым он стал благодаря браку герцога лотарингского Франциска III с Марией Терезией, императрицей австрийской (в 1745 г).

10 Калишские маневры были устроены в 1835 году под Калишем Николаем I. Здесь собрано было много русских войск, всего около 54.700 человек, и царь встречал своего верного союзника и друга, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, который с своей стороны назначил для участия в маневрах около 4.800 человек. Решено было таким путем ознаменовать "ту дружественную связь между войсками российскими и прусскими, коей следствием были: для войск сих-неувядаемая слава, для Европы-мир и независимость", т. е. разгром революции. Подготовка к маневрам шла с июля, а состоялись они с 5 по 10 сентября в присутствии царской семьи и ряда немецких князьков. В память этой контр-революционной монархической демонстрации был сооружен под Калишем особый памятник.

11 Бистром, Карл Иванович (1770-1838) - русский генерал, выдвинулся в боях против Наполеона I, в 1825 был назначен командующим всею пехотою гвардейского корпуса, а в 1837 - помощником командира гвардейского корпуса.

12 Гентц, Фридрих (1764-1832)-немецкий публицист, пруссак, продажная натура, за деньги служил монархам против свободы, писал памфлеты против французской революции, за которые ему платили правительства Австрии и Англии; с 1802 перешел на австрийскую службу и с 1812 стал другом и советником Меттерниха; играл немалую роль на Венском конгрессе, продавая свои услуги французам и англичанам; позднее редактировал все акты германской реакции, в частности Карлсбадские постановления и т. п.

13 Пальмерстон, Генри Джон Темпл, виконт (1784-1865) - английский государственный деятель, дипломат, с 1807 член парламента; сначала примыкал к тори, перешел затем на

сторону вигов и в 1830 стал министром иностранных дел, повсюду стараясь распространить влияние английского капитала и для этой цели используя растущий в разных странах либерализм. Несколько пошатнул свое положение быстрым признанием государственного переворота Луи Бонапарта. В 1855 премьер-министр и один из главных виновников Восточной войны. После покушения Орсини на Наполеона III внес из угодничества перед французским императором в 1858 билль о заговорах, возбуждавший во всей Англии величайшее негодование. Его политика вызывала ненависть К. Маркса, который даже подозревал Пальмерстона в продажности в пользу петербургского кабинета, что впрочем вряд ли может быть доказано.

14 "Портофолио" (Port[o] folio)- основанное в 1835 году Давидом Уркхартом издание дипломатических актов российского правительства. разоблачавшее захватнические планы царизма и произведшее повсюду большое впечатление.

Под "Пентархией" Бакунин очевидно понимает вышедшую в 1839 г. в Лейпциге в издании Виганда книгу анонима "Die europäische Pentarchie", (стр. VI+442), написанную в духе восхваления внешней политики российского царизма. Впоследствии было установлено, что автором книги является Гольдман (1798-1863), саксонский выходец, немецкий публицист, прозванный за свою книгу, наделавшую в свое время большого шума, "Пентархистом", одновременно бывший русским надворным советником и директором полиции в Варшаве. Под Пентархией вообще разумеется союз пяти держав, образовавшийся после наполеоновских войн и состоявший из России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии; эта пентархия (т. е. пятидержавие) играла руководящую роль в Священном Союзе и следовательно в европейской политике того периода вообще. Она распалась после Веронского конгресса 1822 года.

15 Речь идет о браке между дочерью Николая I, Марией Николаевной (1819-1876), и герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817-1852), отцом которого был пасынок Наполеона I, Евгений Богарне, сын императрицы Жозефины от первого ее брака. Свадьба состоялась 14 июля 1839 года (см. Маркиз де Кюстин "Николаевская Россия", Москва 1930, стр. 81 ел.).

16 Ламартин, Альфонс (1790-1869)-французский поэт и политический деятель, в литературе сентиментальный романтик, в политике умеренный либерал. В 1847 выпустил "Историю жирондистов", представляющую апологию этих выразителей буржуазного либерализма. Из монархиста Ламартин постепенно развился в бледно-розового республиканца.

Примкнув к революции 1848 года, вошел в качестве министра иностранных дел во Временное правительство, фактически возглавив последнее. Фразер и мастер по напусканию тумана, он сыграл роковую роль, усыпляя внимание мелкобуржуазных и даже рабочих масс Парижа, создавая передышку, которую крупные помещики и капиталисты использовали для накопления сил и для перехода в наступление против трудящихся масс. После этого буржуазия отвернулась и от самого Ламартина. Сближение последнего с генералом Кавеньяком, палачом парижского пролетариата, окончательно подорвало популярность недавнего кумира мещан. После государственного переворота Луи Бонапарта отошел от политической деятельности и умер в нужде.

17 Это предсказание Бакунина не оправдалось: как известно, 2 декабря 1851 года президент республики Луи Бонапарт произвел государственный переворот, а через год объявил себя императором под именем Наполеона III.

18 Моле, Луи Матье, граф (1781-1855)-французский политический деятель консервативного направления, беспринципный охотник за высоким положением. Крупный чиновник Первой Империи, он был возведен Людовиком XVIII в пэры и голосовал за казнь своего недавнего соратника маршала Нея. Несколько раз был министром (морским, ин. дел) при Реставрации и Июльской монархии. В 1836 и 1837 составил два консервативных министерства, находившихся под личным воздействием Луи Филиппа, и в 1839 был низвергнут коалицией Тьера, Гизо и Одилона Барро, после чего палата была распущена. Был депутатом Учредительного и Законодательного собраний в 1848-1851 гг. и принял участие в протесте против государственного переворота Луи Бонапарта. С 1840 года был членом Французской Академии.

19 Германский (собственно северо-германский) таможенный союз был основан с 1834 года и объединял 18 германских государств во главе с Пруссию, подготавливая таким образом грядущее политическое объединение Германии под прусской гегемонией.

20 За поведение саксонского короля во время наполеоновских войн Венский конгресс отобрал у него значительную часть территории и передал ее Пруссии ("прусская Саксония").

21 Фридрих II, прозванный Великим (1712-1786)-пруссский король с 1740 года, способствовал усилению Пруссии как своей колониционной политикой, так и войнами с Австрией, Францией, Россией; при разделе Польши присоединил к Пруссии значительные территории.

22 Бакунин имеет в виду половинчатые уступки требованиям буржуазии, выразившиеся в согласии Фридриха-Вильгельма IV на то, чтобы ландтаги (провинциальные собрания вроде наших земских) собирались каждые два года, а в промежутках между ними действовали "соединенные комиссии" от каждого ландтага с правом совещательного голоса. Впрочем первый же опыт с этими комиссиями кончился неудачно: они отказались утвердить заем до представления им точных сведений о состоянии финансов" после чего были отправлены по местам.

23 Пророчество Бакунина оправдалось: в 1866 издавна назревавшая война между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германии разразилась и закончилась поражением Австрии и исключением ее из Германского Союза, а через 5 лет после того Пруссия, разгромив Францию, объединила остальные германские государства вокруг себя и под своим главенством.

24 Находясь в заключении, Бакунин не мог получать газет, вышедших после 3 мая 1848 года, так как ему позволялось получать только газеты, вышедшие не меньше чем за год до совершения им преступления, в котором он обвинялся, т. е. до дрезденского восстания. Номера "Всеобщей Аугсбургской Газеты", на которые он ссылается в настоящем документе, были доставлены ему в тюрьму адвокатом Ф. Отто.

25 Общегерманское Национальное собрание собралось 18 мая 1848 года во Франкфурте-на-Майне в числе около 600 депутатов, среди которых было много представителей цензовой интеллигенции, особенно профессоров, что вызвало известные шуточные стихи: "Funf und siebzig Professoren- Vaterland, du bist verloren" ("Профессоров семьдесят пять - отечество, надо умирать!").

26 Вероятно Бакунин имеет здесь в виду известную патриотическую песнь Эрнста Морица Арндта (1769-1860) "Was ist des Deutschen Vaterland" ("Что такое отечество немца?"), сочиненную во время освободительной войны немцев против Наполеона I и добившуюся большой популярности в Германии (так называемая "Отечественная песнь").

27 "Избирательные капитуляции" это - пункты, соблюдать которые должен был присягнуть вновь избранный германский император и которые постепенно отнимали у императоров одну привилегию за другою. В последний раз такую присягу принес император Франц II в 1792 году.

28 Согласно решению Венского конгресса в 1815 году две северные провинция Италии, Ломбардия и Венеция, были отданы Австрии: они составили Ломбардо-венецианское королевство, управлявшееся на началах абсолютизма. Неоднократные заговоры и восстания населения, за небольшими исключениями не желавшего примириться с австрийским иггом, не приводили ни к чему. Даже революция 1848 года не могла разбить этих цепей. Только после поражения австрийского абсолютизма в войнах 1859 г. с Францией и 1866 г. с Пруссией власть Австрии в этих провинциях была сломлена, и они вошли в образовавшееся позже объединенное королевство Италии.

29 Лаццарони-деклассированные элементы Неаполя, нищенский пролетариат, получивший свое название по имени прокаженного евангельского нищего Лазаря; в XVIII и XIX веках играли в истории Неаполитанского королевства роль орудия реакционного правительства против либералов у вообще освободительного и революционного движения, представляя нечто вроде российской черной сотни эпохи Николая II. Отчасти эту роль нищенского пролетариата Неаполя и вообще Италии, а также Франции и Испании имел в виду Маркс, когда в "Коммунистическом Манифесте" давал известную резкую характеристику роли этой социальной группы в истории.

30 Камарилья - испанское слово, означающее "малую палату", "малую камеру"; применено было сначала в Испании, а затем и в других монархических странах к узкой придворной клике, оказывающей тайное влияние на монарха в интересах ограниченных привилегированных кругов.

31 "Рестаурация" (франц.) - восстановление, обычно восстановление низвергнутой династии или уничтоженного революцией порядка, в частности восстановление монархии Бурбонов на французском престоле после поражения Франции в войнах с коалицией европейских монархий. Рестаурация разделяется периодом Ста дней (возвращение Наполеона I с острова Эльбы) на две части: первая-апрель 1814-март 1815 и вторая-июль 1815 до июльской революции 1830. Рестаурация характеризовалась попыткой дворянства и связанных с ним кругов буржуазии восстановить дореволюционные порядки я проникнута была крайне

реакционным духом. Низвергнутая в 1830 революцией, она уступила место июльской или мящанской монархии Луи-Филиппа Орлеанского.

32 "Священный Союз"-союз между русским царем Александром I, прусским королем и австрийским императором, заключенный по договору в Париже 26 сентября 1815; позже к нему присоединились большинство европейских монархов (кроме Англии и папы; султан турецкий не был в него допущен). Священный Союз ставил своей целью поддержку реакции против революции, тирании против свободы, религии против разума, господствующих классов, преимущественно земельной аристократии, против трудящихся масс и либеральной промышленной буржуазии. Во главе С. Союза стояли с одной стороны австрийский министр Меттерних, а с другой - русский царь (сначала Александр I, а затем Николай I). Революция 1848 года нанесла ему смертельный удар, а к середине XIX века он фактически прекратил свое существование.

33 Шлоссер, Фридрих Христоф (1776-1861)-немецкий историк прогрессивного направления, отражавший в своих многочисленных работах идеи, внушенные либеральному немецкому бюргерству французскою революцией конца XVIII века. Хотя и не имеющие особого научного значения, сочинения Шлоссера оказывали в свое время благотворное влияние "а молодежь благодаря проникающему их духу уважения к героизму, свободе умственной и политической. Главные его произведения "Всеобщая история" и "История XVIII века" были в 60-е годы переведены на русский язык.

34 Берне, Людвиг (1786-1837)-известный немецкий писатель радикального направления, один из лидеров "Молодой Германии"; после революции 1830 года подобно Гейне уехал во Францию, откуда в 1830 - 1833 гг. писал свои знаменитые "Парижские письма", проникнутые революционным и демократическим духом и доставившие автору европейскую известность.

35 Бакунин имеет в виду избиение польской шляхты в Тарновском округе темными галицийскими крестьянами под предводительством отставного солдата Шели (см. ниже прим. 46) по подстрекательству агентов австрийского правительства во время краковского восстания 1846 года. После поражения краковской революции в Краков вступили как австрийские, так и русские отряды. Вскоре после того вольный город Краков, последний остаток свободной польской территории, перестал существовать и был присоединен к Австрии.

36 В черновике у Бакунина имеется иной вариант нижеследующего текста; приводим его.

"Совершенно иначе обстоит дело с немцами. Немец поляку глубоко чужд, его натура ему даже антипатична. Не одна ненависть, но и известное презрение, чтобы употребить наиболее мягкое выражение, сквозит более или менее явственно в отношении почти каждого поляка к немцу (а между тем он принужден признавать в последнем своего повелителя, и это господство оскорбляет его самое заветное чувство национальной гордости). Среди народной массы, не исключая и галицийских крестьян, это чувство настолько преобладает и так наглядно проявляется, что должно броситься в глаза каждому, кто не хочет намеренно закрывать глаз. Напротив среди образованных сословий оно под влиянием искусственного воспитания загоняется в глубь сердца и живет там, часто

безотчетно, но весьма редко подавляется.

"Только с величайшей неохотой мог я, милостивый государь, решиться на обсуждение этого крайне щекотливого пункта, и я бы его не коснулся, если бы не был убежден в том, что он имеет самое широкое и весьма важное политическое значение. В этом отношении к немцам поляк выступает в качестве настоящего славянина, так как эта ненависть и это презрение к немцам общи всем славянским племенам, и они сильнее всего там, где соприкосновение с немцами наиболее часто, как в Великом Герцогстве Познанском, в Галиции, Богемии, Моравии (эта фраза у Бакунина незакончена.-Ю. С).

"Лишь с величайшей неохотой, милостивый государь, мог я решиться на то, чтобы затронуть столь чувствительный, столь щекотливый пункт. Я бы не стал о нем вовсе упоминать".

Там же у Бакунина имеются и другие, сокращенные варианты того же текста, но ничего нового и оригинального они не представляют.

37 На этот "славянский" источник бакунинского антисемитизма мы считаем нужным обратить внимание. Он впоследствии встретится нам в его писаниях неоднократно, в частности в "Государственности и анархии", где он касается вопроса о германской революции 1848 - 49 гг. я где он снова отмечает, что против славянских и крестьянских требований (которые он в качестве "крестьянского революционера" часто отождествляет, хотя они далеко не всегда совпадают в действительности) рядом с немецкою буржуазией выступали и евреи, т. е. еврейская буржуазия.

38 Как в 1848 году, так и позже Бакунин всегда противопоставлял свои славянские взгляды, получившие у немецких демократов название "революционного панславизма", казенному панславизму российского правительства и тех кругов русского общества, преимущественно дворянских, которые этот панславизм поддерживали. Официальные руководители чешского национального движения, панслависты вроде Палацкого, Ригера, Ганки и т. п., также близкие им по духу вожаки хорватского, словацкого и пр. славизма стояли гораздо ближе к российскому реакционному панславизму, чем к революционному панславизму Бакунина, за которым шли немногочисленные чешские демократы и поляки, поскольку последние вообще интересовались славянским движением как таковым. Бакунин пытался слить освободительное движение славян с общим движением европейской и в частности немецкой демократии, тогда как представители официального панславизма противопоставляли его демократическому движению и старались поставить его на службу как австрийскому, так и российскому правительствам. Они-то ж являлись фактическими заправилами славянского движения 1848 - 49 гг., которое под их влиянием и сыграло столь плачевную роль в судьбе революции и возбудило среди революционеров законное недоверие ко всякому панславизму (ср. ниже прим. 65 и 67 к "Исповеди", No 547).

39 В тексте, напечатанном у Чейхана на стр. 173 (а другого мы не знаем, ибо перевод, опубликованный В. Полонским в "Каторге и Ссылке" 1928, NoNo 6 и 7, сделан с того же текста Чейхана, точнее с гранок его книги, несмотря на заявление Полонского, что он видал оригинал документа в архиве!), итак в тексте Чейхана сказано: "welches wohl durch Worte und Schriften bis zu einem Gewissen geruttelt, aber nur durch neue geschichtliche Thaten

zerstort,... werden kann". Слово "gewissen" напечатано у Чейхана с прописной буквы, во в таком виде фраза не имеет никакого смысла. Здесь какая-то ошибка: или Бакунина, пропустившего одно слово после gewissen (например Masse или Grade, т. е. мере или степени), и в таком случае ясно, что слово gewissen является не существительным, а прилагательным и должно быть написано с строчной буквы; или Чейхана, не прочитавшего стоящего в оригинале слова Masse или Grade и принявшего слово gewissen за имя существительное. Мы не сомневаемся в том, что Чейхан впал в заблуждение, или не заметив стоящего у Бакунина слова, или не заметив допущенного Бакуниным пропуска, если таковой действительно имеет место. В переводе В. Полонского, который вообще не любит задумываться над неясностями, это место передано так: "факт этот при посредстве слов и литературы всколыхнул совесть". Мы думаем, что доказывать бессмыслицу этого перевода не приходится. А между тем В. Полонский, по его словам державший в руках оригинал, не счел нужным? делать перевод с этого подлинника, предпочтя по своему обыкновению более легкий путь: "для ускорения (?) работы,-пишет он,-чтобы не делать второй копии с архивного оригинала, мы воспользовались гранками издания, любезно предоставленного нам... пражским издателем рукописи" ("Кат. и Ссылка" 1928, No 6, стр. 41). Метод практически удобный, что и говорить, но для научных целей не совсем подходящий!

40 27 июля 1848 года Франкфуртское Национальное собрание высказалось за включение Западной Пруссии и части Великого Княжества Познанского в состав Германии, несмотря на протесты поляков и сопротивление демократической левой во главе с Р. Блюмом; А. Руге, Шузелькой, К. Фохтом и др. Таким образом всегерманский парламент подтвердил постановление прусской монархии, которая еще 22 апреля 1848 года решила включить западную часть В. Кн. Познанского в состав Германского Союза, - мера, которая при своем проведении в жизнь вызвала восстание поляков под руководством Мерославского.

41 Дальше у Бакунина следует незаконченный вариант следующего абзаца. Приводим этот вариант, замененный позже более полным, данным у нас в основном тексте.

"Но интересы, могут пожалуй возразить, собственные интересы польской шляхты наверно не позволят ей променять гуманное немецкое владычество на жестокое русское. Я разумеется далек от того, чтобы игнорировать мощное влияние эгоистических интересов в людских делах; но с другой стороны со мною согласятся, что существуют такие страсти, которые время от времени охватывают целые .народы и которые способны даже заставить их подняться выше своих временных интересов, и что любовь поляков к своей несчастной отчизне, их горячий порыв, их стремление к ее восстановлению составляют именно такую страсть. Одно доказательство этой истины, которое длятся вот уже целое столетие и которое, вместо того, чтобы с течением времени становиться слабее, приобретает с каждым годом все больше энергии и величия, кажется мне достаточным для того, чтобы убедить самого закоренелого скептика: это-с каждым годом растущая масса польских эмигрантов, по большей части владевших у себя на родине землей, то есть людей, поставивших на карту не только свою жизнь, но я то, что в наш век ценится еще дороже жизни, а именно свое имущество; это-масса жертв, которые [наполняют] австрийские, прусские [тюрьмы]"...

42 Под апрельскими и майскими событиями Бакунин разумеет восстание позчавских поляков, толчок к которому дан был распоряжением прусского правительства об

инкорпорации западной части Великого Княжества Познанского в состав Германского Союза (см. выше прим. 40). Согласно этому распоряжению от княжества отрезалось две трети, при чем к немецкой части нередко прирезались общины, в большинстве населенные поляками. Восстание продолжалось недолго: инсургенты, по большей части вооруженные косами, не могли при всей своей храбрости держаться против обученных и хорошо снабженных прусских войск. 30 апреля Мерославский разбил пруссаков при Милославе, но 11 мая потерпел поражение при Рогалине, при чем отряд его рассеялся, а сам он попал (ненадолго) в плен. 12 мая при Эксине поляки были снова разбиты, и на этом восстание закончилось.

43 Постановление Франкфуртского парламента см. выше в прим. 40.

44 Все упомянутые Бакуниным акты свидетельствовали о переходе реакции в наступление и имели место: 1) бомбардировка Кракова 26 апреля 1848 года; она закончилась капитуляцией населения, обезоружением национальной гвардии и высылкою эмигрантов-поляков; 2) бомбардировка Праги 14-15 июня 1848 по приказу Виндишгреца; она закончилась поражением повстанцев, в числе которых находился и Бакунин; 3) бомбардировка Лемберга (Львова) 1-2 ноября 1848 года; она вопреки словам Бакунина была не третьего, а четвертою по счету, так как венская предшествовала ей на несколько дней; 4) бомбардировка Вены войсками Елачича и Виндишгреца 23-30 октября 1848 года; она закончилась поражением революции.

45 Как известно, высшая польская землевладельческая аристократия всегда готова была пожертвовать своими национальными интересами для сохранения своих экономических привилегий и склонялась к примирению с царизмом, который в обмен должен был обеспечить ей власть над крестьянами и сохранение в ее руках принадлежавших ей латифундий. Выразителем этих настроений явился в 1847 году маркиз А. Велепольский, который в своей анонимной брошюре "Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich" ("Письмо польского дворянина князю Меттерниху") доказывал, что Польша не может всерьез рассчитывать на помощь Европы и потому ей нужно примириться с Николаем I, подчиниться ему без всяких условий, соединиться с ближайшим и сильнейшим из трех своих завоевателей, а затем с его помощью отомстить двум другим, т. е. Пруссии и Австрии, за свое унижение. Гнусное поведение правительств прусского, выдававшего политических в руки царизма, и австрийского, устроившего галицийскую резню в 1846 году, заставило симпатии польской шляхты склониться на сторону России. В 1846 году население Кракова оказало русским войскам более дружественный прием, чем австрийским. Еще через три года, в 1849 г., галицийская шляхта и мещанство при вступлении русских войск в Галицию не скрывали пожелания видеть Галицию присоединенной к России (цитата из воспоминаний Мартина Залеского, приводимая в известной книге Б. Лимановского о польской демократической эмиграции, стр. 350). Подобные настроения господствовали и в княжестве Познанском; носились даже слухи, что графы Дзялынский, Пониньский и Мытельский вели по этому поводу какие-то переговоры с российским послом в Берлине, Мейендорфом. Еще более усилились эти русофильские настроения после крушения надежд, возлагавшихся на революцию 1848 года. Под влиянием проявленной немецкою буржуазией великодержавных тенденций славянские народы, особенно славянская буржуазия и мещанство, ринулись в объятия реакции, и даже; в польских провинциях Пруссии и Австрии стало наблюдаться москвофильство. Реакционные, предательские, а может быть и провокаторские элементы

спешили использовать это настроение в интересах царизма: так по всей Польше была распространена брошюрка "Слово правды народу польскому", в которой рисовалась перспектива победы славянства под эгидою царизма и доказывалось, что в объединенной под российским стягом славянской семье Польша обретет счастье. Но у Бакунина это настроение части поляков слишком обобщено и преувеличено, особенно в "Исповеди", как увидим ниже.

46 Шеля, Якуб (1777-1860)-мазовецкий крестьянин, русин, бывший солдат, возглавил галицийскую гайдаматчину в 1846 году. Родился в Тарновском округе, долго служил в австрийской армии, вел от имени своей деревни, в которой был старостой и видимо кулаком, длительный процесс с помещиком Богушем, принуждавшим крестьян к лишним барщинным работам. По польским источникам, оспариваемым его защитниками, осужден за уголовное преступление на тюремное заключение, но в 1846 г. по распоряжению окружного исправника Брейнля освобожден и стал во главе разбойничьих банд, состоявших из отпущенных арестантов и отпускных солдат для избиения шляхты и парализования надвигавшегося восстания. Первую банду Шеля составил у себя на родине из своих родных и соседей. Избивали шляхту без разбора и без пощады, а в лучшем случае доставляли ее избитою и связанною к начальству. При этом громили не клали охулки на руку, и сам Шеля грабежом своих жертв составил себе крупное состояние. По выполнению возложенной на него задачи Шеля получил орден от австрийского правительства и приобрел себе крупный земельный участок на Буковине. В австрийском казенном "Biografisches Lexicon", том 42, стр. 32 сл., напечатана апология этого кулака-бандита, изображающая его в виде какого-то мужицкого апостола

Централизация Демократического Общества постановила начать в 1846 году восстание во всех трех частях Польши. Но восстание приняло более или менее серьезные размеры только в Краковской республике, последнем остатке бывшей Польши, в феврале 1846 года. Опасаясь того, что восстание перебросится в Галицию, австрийское правительство, используя ненависть крестьянства к панам и выставляя демократическое движение в Кракове как плод панской интриги, возбудило страшную жакерию обманутых крестьян, которые особенно в Тарновском уезде произвели страшную резню шляхты, не щадя женщин и детей. При этом погибло несколько тысяч человек, зверски умученных разъяренными хлопами, которым была за это обещана чиновниками императорская благодарность и награда. Одним из главных предводителей этого избиения шляхты крестьянами и был Я. Шеля. Когда он после выполнения возложенной на него кровавой задачи начал наивно требовать обещанного издания императорского манифеста об отмене барщины, ему пригрозили тюремным заключением, на что он ответил: "Попробуйте, и тогда от Тарнова не останется камня на камне". Австрийское правительство, чувствуя, что дальнейшее пребывание этого человека в Галиции становится для властей неудобным, поспешило переправить его в Буковину, где он в награду получил большой надел из казенных земель.

Несколько лет тому назад вышла в свет поэма польского коммунистического писателя, переведенная затем на русский язык: Бруно Ясенский-"Галицийская жакерия (Слово о Якове Шеле)". Драматическая поэма. Предисловие т. Домбаля. Изд. "Московский Рабочий". Москва, 1931.-Как поэма Ясенского, так и предисловие т. Домбаля 1) идеализируют Шелю как борца за крестьянскую революцию; 2) называют движение 1846 года крестьянской революцией,

"освободительной вооруженной борьбой крестьянских масс", "героической страницей борьбы польского крестьянства за землю"; 3) обвиняют буржуазно-шляхетскую историографию в замалчивании второго этапа восстания, длившегося почти два года (1846-1848) и носившего характер партизанской войны против правительственных войск. Однако т. Домбаль признает, что эта "крестьянская революция" была "временно (?) использована австрийской бюрократией для реакционных целей". То же предисловие (стр. 19) сообщает, что австрийское правительство "не решалось (!) расправиться сразу с пойманным Шелей", и что "только некоторое время спустя, фактически под давлением шляхты (?), Шеля был отправлен в ссылку на Буковину, где был убит втихомолку, из-за угла" (!). Все это более чем спорно.

Характерно, что апологию Шели мы встречаем и в русской полицейской "литературе". Так известный В. Ратч, автор нескольких исторических "исследований" в духе Муравьева-Вешателя, на стр. 174 своей книги "Польская эмиграция до и во время последнего мятежа" восхваляет Шелю говоря:

"Славный крестьянин Яков Села своим поведением во время кровавого мятежа приобрел известность; когда затихли народные страсти, его имя стали произносить в Галиции с уважением". Поговорив далее о человеколюбии Шели, Ратч возмущается тем, что "перьями эмигрантов Села явился на европейских газетах извергом, два раза уже находившимся под уголовным судом". Защита таких писателей, как Ратч, говорит много.

47 Образовавшийся в апреле 1848 года в Кракове (в этот момент составлявшем уже часть Австрийской монархии) польский национальный комитет, понимая, что для успеха национального возрождения необходимо привлечь на сторону революции крестьян, составлявших главную массу польского народа, начал подготавливать почву для отмены обязательных отношений крестьянства к помещикам в годовщину конституции 1791 года, т. е. на 3 мая. Проведав об этом, австрийское правительство, которое до тех пор преследовало крестьян, требовавших отмены барщины как бунтовщиков и запрещало помещикам освобождать своих крестьян от барщины под предлогом защиты интересов их кредиторов, вдруг опубликовало 25 апреля указ министерства внутренних дел, фальшиво помеченный задним числом 18 апреля 1848 г. согласно которому в Галиции (и только в Галиции) с 15 мая отменялись все оброки и повинности, связанные с крепостным состоянием. А затем, считая, что этим антиконституционным актом упрочена старая изолированность крестьянства от других классов и в частности от молодой демократической шляхты, правительство приступило к ряду реакционных мер в Галиции (высылка эмигрантов, разоружение населения, бомбардировка Кракова), положивших начало общему переходу контр-революции в наступление.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 декабря 2025 12:58:00

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 9 декабря 2025 20:46:59